

СОДЕРЖАНИЕ

Как вести себя в наиболее типичных случаях репрессий: российская специфика	2
Репрессии (на основе книги <i>"Wege durch die Wueste"</i>)	15
Культура безопасности: руководство для активистов (<i>Канада</i>)	23
Храни молчание! (<i>Linkse Hulp, Нидерланды</i>)	30
Никогда не давайте показаний! (<i>ABC Лондон</i>)	35
Культура безопасности (<i>CrimethInc.</i>)	40
Приложение Испугались "зеленых"? Предварительные уроки "Зеленой угрозы" (<i>CrimethInc.</i>)	53

РЕКОМЕНДАЦИИ КАК ВЕСТИ СЕБЯ В НАИБОЛЕЕ ТИПИЧНЫХ СЛУЧАЯХ РЕПРЕССИЙ ¹

1. Поведение на допросе

Главное

- *“Статья 51 Конституции РФ” (Никто не обязан свидетельствовать против себя, своих близких...), когда вопрос касается Вас лично;*

- *“Не помню” или “Не знаю”, когда вопрос касается других.*

Отказ от дачи показаний, законодательное обоснование

Если Ваш статус в деле “обвиняемый” или “подозреваемый”, вы можете в вольной форме написать заявление с отказом от дачи показаний, ссылаясь на п. 1 ст. 51 Конституции РФ, но можете и не делать этого. Достаточно устно заявить об этом. Вас не имеют право заставить дать какие-либо показания или даже написать заявление с отказом от дачи показаний. Если же вы являетесь “свидетелем”, то согласно российскому законодательству (ст. 56 УПК), отказ от дачи показаний может повлечь за собой от штрафа до ареста на срок до 3 месяцев (ст. 308 УК), но эта статья почти никогда не используется. Кроме того, свидетель также имеет право являться на допрос с адвокатом.

¹ Представленные советы не являются универсальными, но эту информацию необходимо знать всем, кто занимается активистской деятельностью. Действуйте по ситуации!

В каких случаях стоит соглашаться на дачу “показаний” и какие “показания” давать

Впрочем, специфика российских реалий состоит в том, что в некоторых ситуациях стоит “давать показания”, особенно если вас задержали на “ночной прогулке”. Если вы отказываетесь от дачи показаний, будучи задержанными и препровожденными в ментовку, это может раскрыть ментам, что вы какой-то мега-активист, “юридически подкованный”, а часто это ненужно. Также это и способ получить поборы, когда без них можно обойтись. Заранее решите для себя в случае, если вас задержат, давать показания или не давать, и если давать, то что именно вы будете говорить.

Если вы что-то делаете с группой товарищей, вы должны заранее придумать историю, объясняющую, каким образом вы оказались на месте задержания. Вы должны быть с радостью готовы рассказать эту историю ментам хоть под протокол, хоть без протокола. История может быть бредовой, в этом проблемы нет. Главное — ваша готовность рассказывать ее много часов. И готовность ваших товарищей. И чтобы показания

всех задержанных совпадали — начнете путаться, менты могут вас раскрутить. Менты будут понимать, что вы врете, говорить это вам. Но вы должны не обращать внимания и повторять снова и снова. В какой-то момент менты могут подумать, “а почему бы и нет, может, все так и было”. Главное — не выдать ментам ни слова ценной информации о себе и товарищах. Кроме того, у тебя и товарищей должна заранее быть готова “цивильная” история, откуда вы все друг друга знаете. Потому что у мусоров гопническое сознание, и у них вызывает подозрение уже факт того, что они задержали вместе, например, москвича и жителя Московской области.

Насчет пыток. Пытка не может быть оправданием выдачи ценной информации мусорам. Доступны мусорские тексты, в которых они же и пишут, что пытать человека, морально готового к пытке, смысла нет, он не расколется. Потому что милицейские пытки ограничены — ментам очень нежелательно оставить какие-то следы насилия, а тем более для них накладна твоя смерть. При пытке может быть очень больно. Можно действительно получить серьезный урон здоровью. Но все равно пытка — не оправдание. В нашей судебной системе очень трудно доказать, что показания были даны под пытками и не могут считаться действительными. А значит, они могут стать основанием предъявления обвинения и огромных проблем как в вашей жизни, так и в жизни ваших товарищей.

Если у вас готова “цивильная история” — не важно, какие именно вопросы будут задавать менты, нужно продолжать долдонить: “Мы с Петей и Сережей в качалке на Шаболовке познакомились, шли на дискотеку в клуб “Стойка”, “удары” у нас, потому что

ночью в Москве небезопасно, остановились мы там-то, потому что Петя в туалет захотел, а вот эта штука у меня в рюкзаке — для огорода. Я ее днем купил и выложить не успел...”

Подобная тактика подходит, если нужно выдать себя за “цивилов”, и если вы регулярно что-то делаете с определенными людьми, особенно, если вы сделали (или собирались сделать) что-то очевидно наказуемое уголовным кодексом. Дело в том, что в ОВД, куда вы попадете, наверняка раскрываемость по “экстремистским статьям” низкая, менты такие преступления будут расследовать куда тщательнее, и менее вероятно будут готовы “завершить дело полюбовно” ;) чем в случае с бытовухой. Кроме того, есть вероятность, что к делу подключат ФСБ и/или ментов окружного/общегородского уровня, которые попытаются связать то, за что вас забрали, со сходными эпизодами в других частях города, которые занимаются отслеживанием вашей деятельности все рабочее время. И не стоит считать ментов тупыми. Районные менты заточены просто под другие темы — криминал, бытовухи, поборы с иммигрантов и проституток, крышевание мелкого бизнеса и наркоторговцев. “Экстремизм”, — конечно, штука для них малопонятная. Но они вполне “дрессируемы”. Например, в Москве сейчас почти все менты уже очень хорошо в курсе противостояния наци и антифа, стараются вычислить концерты, у которых могут происходить стычки, активно используют оперов в штатском на гражданских машинах, опасаясь поножовщины, отслеживают передвижения не только крупных, но и мелких подозрительных групп молодежи.

Впрочем, если вы были задержаны на какой-то “несанкционированной акции”, и ОМОН винтил на улице всех без

разбора, то также можно прикинуться валенком и на все вопросы отвечать: “Шел мимо, а тут ОМОН”. Но это можно делать в том случае, если вы предполагаете, что менты не засекали, что вы участник акции. При этом надо озаботиться тем, чтобы у вас не было в телефоне никаких палевных смс, вызовов и т.п. на случай, если телефон решат “проверить”. В любом случае телефон лучше всего выключить сразу же после отправки друзьям сообщения, что вы задержаны и находитесь в таком-то отделении. Естественно, на сим-карте должен быть включен PIN код, чтобы в случае выключения телефона только вы могли бы его включить, и контакты стоит записывать на симку, а не в телефон.

Пример 1. Как, пренебрегая принципом “Отказа от дачи показаний”, вы можете поставить сами себя, да и друзей...

Активисту Х. довелось побуянить по пьяни около входа в один из ночных клубов. В случившемся не было никакой политической подоплеки — бытовая ссора с охранниками. Спустя два месяца Х. задерживают, предъявляют обвинение по статье УК «хулиганство» часть 2 (в группе лиц по предварительному сговору) и помещают в СИЗО. На первом же допросе, безо всякого давления со стороны следователя и избиений, Х. честно рассказывает, как все было (причины такого поведения неизвестны — возможно, Х. искренне считал, что его поступок вообще не попадает ни под какое правонарушение). Таким образом, обвиняемый подтверждает версию следствия по поводу того, что он действительно находился около клуба и совершил там хулиганские действия. Кроме того, Х. называет трех своих

товарищей, которые подошли к клубу вместе с ним. Этим самым он создает угрозу предъявления своим друзьям также обвинений в хулиганстве, особенно, если учесть, что ему “повесили” статью “в группе лиц”, а значит, следствию нужно найти соучастников преступления.

Если бы Х. поступил по-умному — отказался давать показания до появления адвоката (по ст. 51 Конституции), они могли бы поработать с адвокатом линию защиты. Адвокат сначала смотрит материалы дела и выясняет, насколько серьезные доказательства существуют по разным пунктам и аспектам обвинения. Затем, вместе с подзащитным они решают, что стоит говорить, а что нет. Например, обвиняемый может утверждать, что его вообще не было на месте событий, и если у следователей недостаточно доказательств (а это чаще всего так и бывает — охранники за два месяца уже наверняка забыли, как выглядит этот посетитель, запись на видеокамере плохого качества и т.д.), дело развалится совсем. То есть, его закроют сами следователи, не передавая в суд. Второй вариант — обвиняемый может признавать, что приходил к клубу, но отказываться от своего участия в конфликте, утверждая, что он стоял в стороне. Для подтверждения этих фактов он может пригласить в свидетели 15 своих друзей, следователи поймут, что им не хватает доказательств, и также закроют дело. И, наконец, можно было хотя бы сказать, что к клубу Х. пришел один, пил там пиво в одиночестве и ссорился с охранниками тоже один, а значит, его хулиганство тянет только на часть 1 той же статьи, что наказывается значительно мягче. В случае же дачи полных показаний, адвокату остается только спорить со следствием и су-

дом по деталям — например, “можно ли считать урну для мусора оружием, если ей стучат по двери клуба?”. Ну и адвокат может указать в качестве достоинств Х., что он “активно сотрудничал со следствием и во всем раскаялся”. Далее приходится полагаться только на милость судьи.

Единственный серьезный недостаток “ухода под 51-ю” — это затягивание следствия, которое особенно неприятно, если вы сидите в СИЗО. Но при этом очень маловероятно, что вас продержат там более 6 месяцев, так как существует установка на сокращение числа сидельцев в СИЗО. Но это выбирать вам: или надейтесь на милость правосудия и получение минимального срока и всячески помогайте следствию или защищайтесь. Но имейте в виду, что, желая побыстрее выйти из СИЗО, вы можете угодить на много лет в колонию. Кстати, часто обвинение не предъявляется немедленно после задержания или вызова по повестке — сначала человек имеет статус подозреваемого. В этом статусе он также имеет право отказываться от любых показаний и лишиться его свободы не могут. И **если подозреваемый отказывается давать показания, то очень часто у следствия просто нет оснований, чтобы предъявить ему обвинение.** Но люди об этом не задумываются и зачастую сами роют себе яму! В конце концов, дать признательные показания никогда не поздно, если вы поймете, что другого пути у вас нет.

2. Вызов на “беседу”/допрос

Беседа

Если вас приглашают на “беседу” (звонком, телеграммой, лично...),

НИКОГДА НЕ ХОДИТЕ! В Уголовно-процессуальном кодексе не существует понятия “беседа”. Поэтому от беседы с сотрудниками ФСБ, МВД и т.д. вы вольны отказаться без каких-либо санкций за это.

Если вас привели на “беседу” принудительно или обманом (вызвали к декану, а там сидит дядя в штатском), постараться отказаться отвечать на вопросы представителей силовых структур. Потребовать у них документы, задать вопросы о причинах вызова, о вашем статусе (подозреваемый, обвиняемый, свидетель), причинах интереса именно к вам. В конце концов, вежливо сказать, что на неформальные формы общения вы не согласны, а просите **вызвать вас повесткой** и, вообще, что вы явитесь на допрос только с **адвокатом**. Как показывает практика, скорее всего, после этого от вас отстанут.

Таким образом, если задача избежать беседы, нужно просто ссылаться на отсутствие в федеральном законодательстве такой процессуальной формы, как “беседа”. И постоянно напоминать правоохранке о недопустимости сбора сведений о частной жизни со ссылкой на все ту же ч. 1 ст. 24 Конституции РФ.

Допрос

Ходить **только по повестке**, в которой указан номер дела, ФИО следователя, где он работает, ваш статус.

Первым делом — требовать предстаться всех и записать данные всех присутствующих на допросе. Если вас отловили, на месте вручили повестку и принудительно увезли на допрос, для которого вы не успели найти адвоката и к которому не успели подготовиться, то лучше всего отказываться от дачи показаний. Можно сослаться на плохое

самочувствие (у вас же случился стресс, когда вас заграбастали посреди улицы!), можно сказать, что нужно время, чтобы пригласить адвоката. Сказать “мой адвокат не рекомендовал мне общаться без него”. По-хорошему, нужно иметь “своего” адвоката, контакты которого нашли заранее или которого посоветовали друзья. Не соглашайтесь на услуги государственных адвокатов, поскольку те часто работают на следствие. Адвоката тоже можно требовать письменно — написав на листке заявление об этом, озаглавив его “Ходатайство”. Если это административное правонарушение, вы имеете право на защитника, которым может быть любой ваш знакомый, которому вы доверяете, достаточно оформить на него/нее доверенность. Особенно это важно сделать, если вы несовершеннолетний, тогда ваш друг всегда сможет вас вытащить из ментовки и родителей не нужно будет беспокоить.

Итак, на допросе вы должны первым делом узнать:

- по какому делу (номер дела, содержание) ведется этот допрос,

- против кого дело,

- когда и кем оно возбуждено и с какой стати в этом деле присутствуете вы?

Предполагается, что кто вы в деле (обвиняемый, подозреваемый, свидетель) вы выяснили еще до того, как попали на допрос. Это разные статусы, и им соответствуют разные права. Если вы обвиняемый или подозреваемый, вы можете вообще отказаться от показаний (ст. 51 Конституции). Если вы близкий родственник обвиняемых или лиц, о которых вас допрашивают (брат или сестра, муж или жена, мать или отец,

сын или дочь), тоже можете спокойно отказываться от показаний. Ничего за это по закону вам не будет (тоже по ст. 51 Конституции).

Если вы свидетель, то на вас распространяется ответственность за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК), но наказание по этой статье символическое и дела почти никогда не возбуждают. Поэтому, даже если следователи настойчиво выжимают из вас определенные показания, то категорически отказывайтесь их давать, демонстрируя следователям готовность пойти хоть под суд, хоть на голгофу.

Если вы хорошо подготовились к допросу, знаете, что можно говорить, а что не стоит, тем не менее, нужно в течение всего допроса сохранять внимание и обдумывать каждый вопрос следователя. Вы не обязаны отвечать немедленно (скажите, что вы — тугодум!). На те вопросы, ответы на которые могут быть использованы против вас или против других людей, стоит отвечать, что вы не помните, а, в крайнем случае, что не будете отвечать — потому что они не относятся к делу или могут быть использованы против вас.

Если вас допрашивают в статусе свидетеля (ст. 56 УПК), не расслабляйтесь. Во-первых, изменение статуса в деле реально и часто встречается. Стоит быть готовым к возможности перейти из свидетеля в обвиняемые. В России существует и все чаще применяется не предусмотренная напрямую законодательством практика проведения обысков у свидетелей, а также арест свидетеля. Все это делает еще более важным уточнение своего статуса в деле.

“Что может помочь вам вспомнить?” — грозно рычит на вас следователь.

А ничего.

Вы не помните и все.

Вам показывают фото. Вот вы идете с кем-то вместе и болтаете. “О чем вы говорили?”

Вы не помните.

Вот на видео вы участвуете в митинге, несете черный флаг. “Что это за митинг?”

Да не помните вы и все.

Забыли. Вообще не помните факта такого митинга. Очень удивлены, рассматривая фотографии и видео. Очень стараетесь вспомнить, но ничего не получается.

Доказать, что вы им врете, они никак не смогут.

Потому что вы действительно не помните. Забыли все.

Угрозы выгнать вас с учебы или с работы за отказ от сотрудничества — скорее всего, блеф. Не все работодатели и не все высшие учебные заведения в нашей стране уже до такой степени прогнулись, чтобы плясать под дудку ФСБ. Но даже если в данном конкретном случае это так и есть, потеря работы или учебы — ничто по сравнению с опасностью сесть на много лет самому или подставить товарищей.

Не исключено, что под видом “бесед” или “невинных свидетельских показаний”, одно за другим, следователи соберут показания у многих, и на их основе будет состряпано дело против группы товарищей. И в этом деле вы уже будете фигурировать не как свидетель, а как обвиняемый. Можете, конечно, тогда, чисто по закону, отказаться от дачи показаний. ФСБ даже не

рассердится — оно уже взяло их у вас, пока вы были свидетелем.

Так что плохая память, внимательный и трезвый ум — наше знамя. А гласность — наше спасение. Придайте публичности сам факт допроса или “беседы” (опубликуйте везде, где возможно — в жж, на Индимедии (<http://ru.indymedia.org>), на форумах, и т.д.). Позвоните знакомым журналистам, поделитесь с ними. Обратитесь в местную группу АЧК или Legal Team, найдите адвоката или правозащитника, обсудите, чем это вам может грозить. Напишите подробное изложение разговора со всеми вопросами и ответами и покажите всем, кого это может касаться. Оставьте себе эту запись на память — не исключено, что вас вызовут на повторный допрос.

Пример 2. Зануда

Вася Пупкин, очень интеллигентный мальчик, получив повестку, дисциплинированно явился на допрос в качестве свидетеля. Свидетелем он стал из-за того, что участвовал в несогласованном властями шествии, во время которого некие молодые люди рисовали из баллончика на стенах зданий разные веселые картинки. Вася был задержан после шествия, получил по почкам от ОМОНа и сознался, что на шествии был. Если несогласованное хождение по улице это только административный кодекс, то картинки на стенах — уже уголовный (статья “вандализм”). Вася подписал протокол по поводу своего участия в шествии, а значит отвертеться от допроса в качестве свидетеля “по картинкам на стенах” для него было нереально. Кроме того, Вася живет по месту прописки, очень любит свою бабушку и переехать куда не может, а значит, если он не будет являться по

повесткам, ему сотрудники милиции могут устроить принудительный “привод”, разбудив для этого в 6 часов утра.

Хорошо подумав и посоветовавшись с друзьями, Вася решил, что участвовал в мероприятии, узнав о нем по Интернету (название сайта не запомнил), и ни с кем из других участников мероприятия познакомиться не успел, так как его очень быстро забрали в милицию. Лица он также запомнил плохо, так как, как ни странно, но многие люди были с закрытыми лицами.

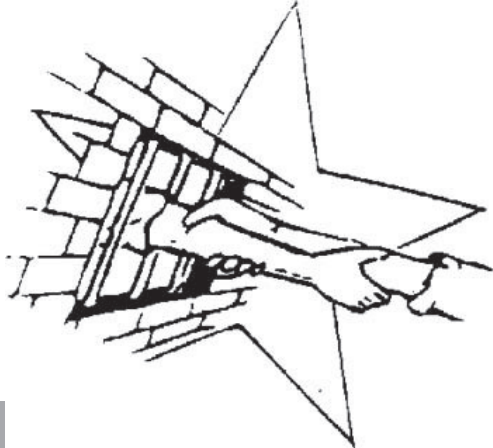
Первым делом следователь решил расспросить Васю, где он учится, работает, чем увлекается и еще кое-что о его личности. По мнению следователя, это ему поможет составить психологический портрет свидетеля — так написано в учебниках для следователей. Но Вася рассказывать о своей личности отказался. Первые 10 минут он объяснял, что сведения из его биографии отношения к делу не имеют. Вторые 10 минут они припирались со следователем на тему, обязан он или нет сообщать ему место его рождения (следователь забыл, что оно указано в паспорте). Третьи 10 минут Вася рассказывал, что его личная жизнь является неприкосновенной по Конституции. Четвертое десятиминутье Пупкин расписывал разные сценарии, как можно использовать его биографию в корыстных целях — например, за дорогого продать, когда он станет знаменитым. Пятые 10 минут Вася со следователем спорили, хорошо ли учебники для следователей. К концу первого часа допроса в результате достигнутого компромисса Вася сообщил, что в 2005 году закончил школу N274. Следователь был счастлив, но уже порядком подустал.

Далее пошли вопросы “по делу”. Вася не мог отрицать, что был на ука-

занном шествии, но практически все его обстоятельства успел уже забыть. Во-первых, он в этот день дико не выспался, и глаза у него просто закрывались. Во-вторых, шествие неслось по улицам с огромной скоростью, и все силы Васи уходило на то, чтобы не потеряться. Он видел вокруг себя много людей, некоторые, конечно, были покрупнее, а другие помельче, но в принципе даже их пол определить было довольно трудно, а про цвет одежды можно только сказать, что он был темный. На фотках он никого не узнает, потому что и на шествии никого не знал.

Через полчаса следователь, хитро улыбаясь, заявил: “А вот твой дружок, Петя Нечитайло, уже давно тебя сдал! У нас лежат его показания, что это ты все нарисовал. Так что сядешь ты по полной программе, пока дружки твои будут пиво пить на свободе”. Петю Вася знал, но следователю не поверил. Он еще в книжках про шпионов читал, что у следователя работа такая — подследственных разводить. Поэтому он начал так: “Во-первых, у меня нет ни одного друга, который пьет пиво. Я с такими аморальными типами не общаюсь. Вы знаете, сколько вреда приносит этот напиток организму и обществу?” После 10 минут лекции о вреде пива следователь выбежал из комнаты и хлопнул дверью.

Через несколько минут в комнату вошел “злой следователь” и грозно зарычал: “Что, может помочь тебе вспомнить?”, приблизив противный волосатый кулак к васиному носу и брызгая слюной. Вася невозмутимо посмотрел на следователя и попытался прочитать ему лекцию о том, сколько микробов содержится в одной капле слюны. После встряски за шиворот и вопроса “Будешь говорить, сука, или нет?”, Вася сменил

пластинку и потребовал называть его на “Вы”. Следователь никак делать этого не хотел, тряс Васю и грозил ему немными карами, а Вася рассказывал ему о кодексе поведения работников правоохранительных органов и отказывался реагировать на вопросы, задаваемые в духе “ты, козел”.

К счастью, следаки в ходе двухчасового общения поняли, что этот зануда зануден настолько, чтобы наделять им проблем по службе, если они зайдут в своем прессинге слишком далеко. Он пару раз мимоходом упомянул о своем слабом здоровье и существовании прокуратуры, которой придется проводить хотя бы формальную проверку, если он попадет в больницу. Поэтому они не стали бить его по голове книгами и другими предметами по другим частям тела, а записав его краткие показания, отправили Васю домой к бабушке.

Мораль: читайте уголовно-процессуальный кодекс и учебники для следователей.

Ситуация 1. Приглашение на “беседу” телеграммой

Сегодня вечером мне в квартиру принесли заказную телеграмму следующего содержания (перепечатаваю с сохранением грамматики и орфографии):

“Телеграмма Санкт-Петербург 78043
79 13/11 1842=

Уведомление телеграфом Санкт-Петербург Ул Спортивная д 5 кв 67
СТЕПАНОВОЙ М А=

В СВЯЗИ С ПРОВЕДЕНИЕМ ПРОВЕРКИ ВАМ НАДЛЕЖИТ ЯВИТЬСЯ 5 ОКТЯБРЯ 2008 ГОДА К 1300 В СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ПРИ ПРОКУРАТУРЕ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА АДРЕС СПБ УЛ СМОЛЯЧКОВА 14 КОРПУС 3 ЭТАЖ 3 КАБИНЕТ 10 К И СВИДЕВИТЕЛЯ ПОЗНЯКОВУ Д А ДЛЯ ДАЧИ ОБЪЯСНЕНИЙ ПРИ СЕБЕ ИМЕТЬ ПАСПОРТ ЛИБО ИНОЙ ДОКУМЕНТ УДОСТОВЕРЯЮЩИЙ ЛИЧНОСТЬ В СЛУЧАЕ НЕЯВКИ ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ ПОДВЕРГНУТЫ МЕРАМИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 65347698=ПОЗДНЯКОВ Д А-НННН 01.10 01.10 032”

Вопросы:

Как видишь, тут есть опечатки, фамилия моя неправильно написана и неясно по какому делу. Подозреваю, что это связано с Г8, т.к. этот адрес чем-то знаком. Скажите, пожалуйста, как вы считаете, что мне делать или не делать? И какие у меня есть права и обязанности в данной ситуации?

Ответы:

Можно просто проигнорировать. Никакой ответственности это, разумеется, не влечет, все эти приемы (ложь, запугивание мнимой ответственностью) стары, как совок, и были описаны еще у Солженицына в первом томе “Архипелага”. А можно написать жалобу прокурору Выборгского района на непропорциональные действия следователя с просьбой проведения служебной проверки и привлечения к ответственности уже самого следователя.

Ситуация 2.

Приглашение на “беседу” звонком

Сегодня с утра мне позвонил домой участковый и попросил пройти к нему для “беседы насчет армии”. Мне казалось, что это после задержания в Д., сначала я не хотел идти, но потом передумал. Как оказалось, речь шла о моем административном правонарушении сентября 2007 года, когда меня арестовали рядом с акцией в защиту Каленова и Зеленюка. Тогда мне присудили 500 рублей штрафа по 20.1 (нарушение правил порядка пикетирования, блаблабла). Участковый говорит, что ему пришли бумаги только сейчас, мол, нужно тебя поставить на учет. Я написал объяснительную, что с приговором не согласен, что я сам журналист и вообще находился на другой стороне улицы. Участковый бумаги забрал и посоветовал обратиться в Тверское ОВД, забрать оттуда копии протоколов и т.д., а потом моей матери написать бумагу такого рода: “Прошу вас провести проверку по факту незаконного составления протокола в отношении моего сына ..., которое имело место... . По итогам проверки прошу вас дать мне письменный ответ в установленный законом срок”. Как сказал участковый, это нужно для того, чтобы “меня сняли с учета, вычеркнули из списка”, что-то в этом роде... Все это нужно было для того, чтобы он не поставил меня на учет в своем районе, что грозит мне отчислением из университета: два административных дела дают право отчислить меня. Он посоветовал мне “не высовываться и продержаться до сентября 2008 года”, так как административка “сгорает”.

Вопросы:

1. Нужно ли обращаться к мировому судье насчет проверки этого дела? Про-

шло уже куча времени, а не 10 дней, в течение которых можно обжаловать приговор.

2. Правда ли то, что два административных задержания дают право поставить человека на учет? Что это вообще значит “на учет”?

3. Могут ли отчислить из университета за “постановку на учет”?

Ответы:

1. Можно по поводу плохих, незаконных протоколов обращаться в прокуратуру и сейчас, т.к. раньше ты мог просто этих протоколов не видеть. К мировому судье не нужно, он по действиям ментов ничего не решает. Но сначала их надо истребовать в суде или в ОВД, в ОВД скорее всего не дадут. В суде должен быть архив, но не знаю, насколько просто добиться от них дела. Проще всего, мне кажется, такое заявление написать твоей матери или тебе, не глядя на протоколы, а просто изложить все как было, сказать, что в ОВД копии протоколов выдать отказались.

2. Если ты несовершеннолетний, то в комиссии по делам несовершеннолетних поставить на учет могут. Если нет, то любой другой “список экстремистов” является абсолютно незаконным и основан на внутренних секретных инструкциях правоохранительных органов. И вообще существование подобных списков органы официально отказываются признавать.

3. Надо смотреть на устав университета, но скорее всего там максимум есть что-нибудь про деятельность, порочащую “честь и достоинство” университета. Никакого закона о таких отчислениях нет, конечно. На руководство могут давить всякие фээсбешники, но это все-таки для более серьезных случаев пока.

Ситуация 3.

Приглашение на “беседу” на дому

В субботу ко мне домой заходил давным знакомый мне участковый 1-го Мытищинского городского ОМ майор К. Пришел с целой кипой распоряжений на проведение со мной профилактических бесед, за подписью должностных лиц администрации города Мытищи. Поскольку меня дома не оказалось, а коллеги майора К. уже общались с прокуратурой по моим предыдущим заявлениям, то настаивать, разумеется, он не стал, равно как и не стал обходить соседей. Но меня весьма заинтересовали эти должностные лица из администрации города, и по согласованию со мной родители дали номер моего телефона. И вот сегодня утром майор К. мне перезвонил и сказал в том ключе, что он, конечно, знает о существовании положений части 1 статьи 24 Конституции РФ (согласно которой “сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются”), но может быть все-таки я подъеду в ОВД. Я поставил условие, что подъеду завтра в ОВД лишь в том случае, если он мне к завтрашнему дню подготовит ксерокопии распоряжений, пришедших из администрации Мытищ, в противном случае беседа не состоится, тем более, что в соответствии с частью 2 статьи 24 Конституции РФ, “органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом”. Он был вынужден согласиться, так что завтра утром схожу в 1 ГОМ провести профилактическую беседу с майором К. на тему исполнения заведомо незаконных

приказов и распоряжений.

Ситуация 4.

Запугивание уголовными статьями

7 мая 2008 меня задержала милиция, когда я распространяла газету “Анархию в кровь!”. В милиции мне сказали, что по поводу статьи “Вся власть советам!” в прокуратуре начато расследование — нет ли в ней признаков экстремизма. Днем следующего дня меня отвезли в УБОП, где с меня взяли объяснение и сказали, что через некоторое время вызовут опять.

Вопросы:

Какими законами должен руководствоваться УБОП в своей деятельности? Какая процедура вызова к ним на беседу?

Ответы:

1. УБОП должен руководствоваться Конституцией РФ, ФЗ “О милиции”, ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности”.

2. Такой формы “общения” как беседа в УПК нет, требуйте с них повестку, где будет указано, по какому делу (номер), кто и в каком качестве вас вызывает. Отказ от беседы никаких юридических последствий не имеет.

3. На угрозы возбудить в отношении вас уголовное дело по “экстремистской” статье отвечайте спокойно, что пусть возбуждают хоть десятками, а мы посмотрим и посмеемся. Пусть у них создастся впечатление, что вы не боитесь.

4. Обязательно пишите на УБОП заявления в прокуратуру, причем предпочтительнее сразу в Генеральную. К примеру, после пары подобных заявлений сотрудники подмосковного УБОП, впрочем, как и местного ОВД, в принципе перестали меня беспокоить в какой-

либо форме.

3. Отпечатки пальцев

Не имеют права брать: В случае административного задержания (вы не подозреваетесь и не обвиняетесь в совершении уголовного преступления, а задержаны по подозрению в совершении административного правонарушения) при наличии у вас документов, подтверждающих личность, отпечатки пальцев у вас брать никто не имеет права. Тем более, если вы не совершали никакого правонарушения, а оказались в отделении в рамках различных спецопераций типа “неформал” или вообще случайно, дактилоскопия является добровольной.

Имеют право брать: Судья может назначить вам административный арест (“сутки”), в этом случае у вас имеют право взять отпечатки пальцев. Если вас подозревают или обвиняют в совершении уголовного преступления, или вы осуждены за него, то “сотрудники” имеют право взять у вас отпечатки пальцев.

4. Поддержка подозреваемых и обвиняемых

Если к вашим друзьям нагрянули с обыском или внезапно забрали с улицы, из дома, с учебы и т.д. и увезли на допрос, очень вероятно, что они стали фигурантами какого-либо уголовного дела. Прежде всего: не впадайте в панику! Это еще ничего не значит. **Далее, не стоит спешить с распространением информации о задержанных товарищах с их реальными фамилиями и фактами участия в политических организациях, мероприятиях и т.д. в открытых источниках, так как не факт,**

что они сами этого хотят. Во-вторых, вы случайно можете таким образом опубликовать ту информацию, которую публиковать не стоило.

Первым делом нужно попросить знакомых и надежных журналистов и правозащитников звонить и выяснять, где находятся задержанные, что им предъявляют. А также найти адвокатов, чтобы они, в том числе, встретились с задержанными и выяснили позицию самих задержанных по разглашению сведений о них (реальные ФИО, места работы/учебы, политические пристрастия, членство в организациях, движениях и т.д.) и по дальнейшей кампании поддержки. **Передавать информацию в СМИ до этого нежелательно,** но звонить в соответствующие структуры (если не можете найти человека, то в прокуратуру) нужно не прекращать, имитируя внимание журналистов, даже если его еще нет.

Можно быстро найти знакомого адвоката, который не кинет и не пойдет на сотрудничество со следствием, даже если это не самый хороший адвокат в городе. Нужно поставить перед ним задачу выяснить статью обвинения, встре-

таться с задержанным, присутствовать на первых допросах, передавать информацию. В этом случае много платить не придется — оплачиваются 1-3 дня работы или каждое действие в отдельности. До предъявления обвинения человека могут содержать под стражей 48 часов. После этого, если обвинение предъявлено, судом решается, будет ли он оставлен на свободе или под стражей. В эти первые два дня даются большинство признательных показаний и делаются большинство самооговоров, так как человек подавлен внезапным арестом, и следователи стремятся использовать психологически сложную ситуацию. Если есть возможность, передайте задержанному предметы гигиены, теплые вещи, еду.

За первые дни задержания, пока работает “временный адвокат”, можно найти лучшего адвоката и, поняв тяжесть обвинения, заключая договор именно с ним на следствие или на весь процесс. Заключать договор может кто угодно — друг, родственник задержанного. Узнайте у родственников, знакомых примерные расценки в вашем городе. Желательно найти активиста-координатора для координации кампании защиты, к которому бы стекалась информация из разных источников, который бы делал ответственные заявления для СМИ, писал связанные тексты с объяснением, какие нарушения закона допущены в отношении задержанного и т.д.

Адвокат задержанному/арестованному должен объяснить содержание предъявленной статьи, разные варианты стратегии защиты и обсудить с ним, какую из них он выбирает: например, отказываться от любого участия в предъявленном, признавать только какую-то часть, отстаивать законность его поступ-

ков или деятельности и т.д. Пока задержанный/арестованный не встретился с адвокатом, ему в любом случае лучше **отказываться от показаний** вообще — по ст. 51 Конституции.

Если вас также внезапно увезли, но пытаются допросить в качестве свидетеля, протестуйте, говорите, что сегодня вы дико болеете и правдивых показаний дать не можете, придете обязательно потом по повестке. Если вы чего-то наговорили при общении со следователем, а потом поняли что зря, не соглашайтесь повторять это “под протокол”, не подписывайте, если следователи все равно напишут. То, что вы устно говорили, почти неважно, это может быть использовано только как оперативная информация, например, для поиска соучастников, но не как доказательство. Если вас пугают, что свидетеля за отказ от дачи показаний могут привлечь к уголовной ответственности, не беспокойтесь — это почти исключено.

Установите контакты с родителями задержанных, чтобы координироваться по информации и адвокатам. Как можно быстрее раздобудьте уголовно-процессуальный кодекс с комментариями и внимательно прочитайте, как по закону должны проводиться обыск, изъятие, задержание и пр. Ищите расхождения с тем, как было. Чтобы привлечь правозащитников, нужны данные о нарушениях закона. Как минимум, чтобы послать запрос, правозащитникам нужно знать:

1. *Кто проводил задержание, обыск и т.п. (какое ведомство)*
2. *В чем обвиняется или подозревается человек (номер статьи), желательно номер дела, ФИО следователя/сут обвиненная*
3. *ФИО задержанного / аресто-*

*ванного, где находится задержанный
/ арестованный*

*4. Что собственно не так: или
политическая составляющая (аб-
сурдность обвинения, например) или
какие именно допущены нарушения
закона.*

Все-таки это произошло! Ты чувствуешь удар по спине, твою руку заламывают и с матагами или без ведут в ментовку. Или, может, ты только ощутил, что за твою куртку схватилась рука в перчатке, и нет возможности вырваться. Ты окружен ментами или просто испуган и растерян.

Это может произойти где угодно: на демонстрации, просто на улице или во время ночной прогулки с баллончиком краски в руках... Не важно, сделал ли ты “что-то” или нет — в любом случае, ты в малоприятной ситуации. Может быть и по-другому: звонок в дверь рано утром и менты с обыском на пороге. Не менее неприятным может оказаться получение повестки или звонок по телефону с приглашением явиться в качестве свидетеля или обвиняемого.

Говорят, что “хороший совет дорогого стоит”, — это не про нас

К таким или подобным ситуациям лучше готовиться заранее. Никто не может заблаговременно просчитать все последствия. Но важно разобраться с тем, что может произойти с тем/той, кто борется против нацистов, государ-

² Этот текст составлен на основе книги “Wege durch die Wueste” (Германия).

ственной политики или ее реализации. Позднее это поможет не потерять голову, если придет время испытать силу репрессий на себе. Теряют же голову очень быстро, и пользы от этого никакой, только наоборот.

Лучше всего готовиться и прорабатывать подобные ситуации в группе, с которой ты ходишь на демонстрации или проводишь другие акции. Или со своими друзьями, которые, может, и не видят себя объектом полицейского произвола. Если же нет единомышленников в непосредственной близости — попытайся найти ближайшую группу правозащитников, которые готовы помочь советом.

Ярость против системы

В этом тексте не идет речи о том, как плоха эта система и как подло она обходится со своими врагами и противниками/цами. Речь идет о том, чтобы ты познакомился с полицейской и юридической стороной дела, чтобы не чувствовать себя противопоставленным “чуждой власти”, если ты уклоняешься или противостоишь господствующим отношениям. Исходя из этого, проработка того, какие репрессии могут на тебя обрушиться, является важной частью твоего сопротивления.

Репрессии всегда направлены не только против отдельной личности, а против политических действий и идентичности, которая за этим стоит. Поэтому должно быть понятно, что репрессии — это не дело каждого в отдельности, это дело всех вместе. Поэтому преследуемых нельзя оставлять в одиночестве.

Характер репрессий, также как и их сила, зависят от многих обстоятельств. Поэтому никто не может сказать, что

если ты будешь делать “то-то и то-то”, то с тобой случится “то и это”. В зависимости от судьи, прокурора, следователя, политической погоды и места происшествия за одно и то же можно получить разные наказания. Но несмотря на это, важно разбираться в теме и не терять мужества!

Что такое государственные репрессии

До сих пор не существует общества, свободного от борьбы за власть и перераспределения благ, которые структурируются и определяются существующими механизмами подавления и отношениями господства.

Не существует нейтрального права “на все времена”. Каждая конституция каждого государства и любой свод законов отражают отношения власти в обществе. Господствующий порядок — это порядок господ. И в силу того, что общество у нас капиталистическое, расистское и патриархальное — нормы и право также капиталистические, расистские и патриархальные. Они вызывают непреодолимые противоречия (антагонизмы), которые могут быть разрешены только радикальным преодолением современных общественных структур.

Каждый господствующий порядок пытается воспроизводить себя, и поэтому пытается защитить себя от коренных изменений. В его распоряжении две возможности:

- *интеграция определенных частей населения через материальное и /или политическое участие;*
- *исключение части населения на идеологическом, материальном, бюрократическом или репрессивном уровне.*

Господствующий порядок в Германии — и конечно не только он — воспроизводит себя. И поскольку этот порядок построен на подавлении и эксплуатации, он репрессивен и жесток. И речь идет не только о прямом насилии, поскольку “есть много способов убивать” (Бертольд Брехт).

Репрессии затрагивают не только тех, кто активно противостоит существующему порядку. Левые слишком часто забывают, что и другие части общества страдают от повседневного подавления, и намного сильнее. И это даже не всегда воспринимается как репрессии теми, кого это касается. Репрессии присутствуют в форме расизма, капитализма и сексизма. Репрессии многолики: рабочая дисциплина, школьный распорядок, сохранение мелкобуржуазной семьи, принудительное потребление и идеология общества свободного времени, равно как и полицейская дубинка, следствие и тюрьма.

Здесь мы хотим сосредоточиться на понятии “государственных репрессий”, которое характеризует средства и инструменты реализации государственной монополии на насилие. Целью этих репрессий являются все, кто нарушает или мог бы нарушить законы, поскольку они заранее находятся под подозрением из-

за внешнего облика или принадлежности к определенной общественной группе. Закон действителен для всех, но не все равны перед законом.

К счастью, еще есть люди, которые в ходе политической деятельности нарушают нормы — от гражданского неповиновения до вооруженных атак. Они чувствуют на себе силу государственных репрессий не только из-за своих действий, но и из-за своей мотивации, то есть убеждений. Когда речь идет об убеждениях, правонарушения часто сначала должны еще быть сконструированы, чтобы впоследствии придать легитимность применению репрессий.

Это наше понимание понятия государственных репрессий, о которых идет речь в этом тексте. В таких случаях страдают отдельные личности, но мишенями являются целые политические движения, течения, партии и организации.

Государственные репрессии используют разные средства: запугивание, предупреждение (предотвращение), столкновение (конфронтация) и месть.

К запугиванию и предупреждению относятся, например, постоянное присутствие ментов в Вендланде³ или кило-

3 Вентланд — район на севере Германии, где под городом Горлебен находится хранилище ядерных отходов. В Вендланде “традиционно” проходят одни из самых жестких столкновений с полицией: местные жители вместе с активистами со всей Германии и других стран протестуют против строительства постоянного хранилища ядерных отходов и ежегодно в ноябре блокируют перевозку из Франции новой партии отходов. В последние десятилетия местные жители, в основном крестьяне, потеряв

метровые ограждения перед городом, в котором проходят антифа-акции, также как и контроль, проверка документов и задержания автобусов с активистами. Подобные действия предназначены для того, чтобы заранее придушить политические процессы. На официальном языке это называется “превентивные меры против преступной деятельности”. Также к действиям, рассчитанным на **запугивание**, относятся:

- *постоянно учащающиеся попытки выстраивать профили поведения (например, кто там с кем рядом идет...) с помощью специально обученных ментов, которые обрабатывают полученные видеоматериалы;*
- *посещения перед различными событиями: например, в 1999 г. в Берлине рано утром менты ходили по домам потенциальных участников протестов: “чтоб я тебя сегодня на улице не видел!”;*
- *базы данных на различных активистов;*
- *все большее и большее использование компьютеров ментами. Создание федеральных и общеевропейских баз данных;*
- *увеличение полномочий полиции, например то, с какой жесткостью они обращаются с беженцами.*

В конце концов, весь аппарат насилия государства, армия и возможность их использования в случае политического противостояния заранее действуют как превентивные репрессии.

надежду на традиционных “зеленых”, сильно радикализировались. — *Здесь и далее применение переводчика.*

Столкновение относится к непосредственным попыткам атаковать и не допустить акции, демонстрации, митинги и другие мероприятия, вывести из строя отдельных людей и наши политические группы. Менты в штатском, провокаторы, которые бегут рядом с нами, полицейские дубинки и водометы или пугающий всевластный строй ментов относятся к тому же.

То, что менты — это не нейтральная сила, которая вынуждена выполнять “не те приказы”, должно быть ясно каждому, кто когда-либо сам пережил направленные ментовские атаки или только слышал о них. Постоянно выявляются отдельные подразделения или отдельные менты, которые в нарушение общей концепции начинают избивать и/или арестовывать всех подряд. Понятно, что эта личная инициатива полностью поддерживается или, по крайней мере, не наказывается сверху. Примерами тому служат “сменные ванны” между “спокойным разговором” и избиваниями на *Startbahn West* в начале восьмидесятых⁴, привлечение огромного количества ментов против автобусного конвоя гамбургских антифа после погрома в Ростоке в 1992 году⁵ и избивания со стороны 22 и 23 отрядов берлинского ОМОА в Вендланде и A-haus в 1998 году.

Месть — это среди прочего меры

4 Протесты против строительства взлетной полосы во Франкфуртском аэропорту, связанные с вырубкой леса и серьезным ущербом окружающей среде. Одно из знаковых событий для всего экологического движения Германии конца 70-80-х годов.

5 Один из самых крупных погромов иммигрантов в немецкой послевоенной истории. Полиция отличилась тем, что вместо того, чтобы предотвратить погром, «сдерживала» антифашистов.

уголовного преследования: задержания, прослушка, ордера на арест, штрафы, следствия и судебные процессы, приговоры и тюрьма.

Конечно, часто эти проявления репрессий неотделимы друг от друга; они связаны между собой и переходят один в другой. Так, например, массовые задержания в связи с акциями “Вернем себе улицы” в Берлине означали для участников не только лишение свободы (конфронтация), но зачастую и финансовые потери в виде штрафов (месть). Все равно они действовали в качестве запугивания и вместе с тем “предупреждающе”: зная, что после акции протеста придется не только провести несколько часов или дней в наручниках и взаперти, но и после освобождения заплатить нехилый штраф, дважды подумаешь, прежде чем принять участие в этой акции. Сила противостояния в этом примере определяется противником. Постоянный контроль и обыски относятся к тому же. С целью предотвратить дальнейшее сопротивление, эти меры транслируют понятную всем идею — “это та цена, которую ты должен быть готов заплатить, если не будешь вести себя смиренно”.

Цели и средства государственных репрессий

Основная цель государственных репрессий — это удержание власти, которое происходит посредством разделения, исключения (маргинализации) и деполитизации политических противников/ниц:

а) раскол. общественные движения разделяются репрессиями на “мирные” и “применяющие насилие”, например, когда на демонстрации менты целенаправленно блокируют одну группу, а

остальным дают пройти дальше. Эта тенденция, которая представляет сегодня прежде всего опасность для антиядерного движения, продолжает действовать изнутри, когда мы в спорах о вопросах использования насилия, забываем о том, что нас объединяет. После разделения на “погромщиков” (“хаотов”) и “миролюбивых”, можно приступить и к криминализации целых движений: например, обвинить по статье 129 или 129а в образований так называемого “преступного” или “террористического” сообщества, вне зависимости от того, может ли быть что-либо предъявлено человеку конкретно.

б) изоляция и обособливание (маргинализация): с этим связаны попытки изоляции или обособливания отдельных людей через задержание, арест или содержание в одиночке. Заключенные отвечают в лучшем случае за все движение в целом, но должны в одиночку справляться с политической эскалацией и репрессиями правосудия. Самую страшную форму изоляции представляет собой заключение в одиночку: оно пытается сломать политическую идентичность через изоляцию заключенного от политической среды и

вообще от внешнего мира.

с) деполитизация: основа государственных репрессий заключается в том, чтобы представить своих политических противников преступниками. Так должны быть сведены на нет политические противоречия в обществе, например, конфликты между социальными движениями против программы развития атомной промышленности, с одной стороны, и государственным и капиталистическим захватническим интересом, с другой. Политический характер подобного противостояния и его подрывной потенциал должны быть скрыты через рассмотрение ситуации под углом уголовного права. Для дискредитации политических противников/ц в прессе и на телевидении их называют “профессиональными демонстрантами”, “погромщиками” и “террористами”, чтобы напугать зрителя и направить общественное мнение против левой внепарламентской оппозиции. Подобными обозначениями дискредитируются в особенности не-немцы, мигранты и беженцы, которые делятся на “мирных” и “готовых к применению насилия”. При этом замалчивается смысл протестов, и дискуссия смещается в область вопросов о насилии. Ярлыки “хаос” и “террор” подсознательно указывают на бессмысленные действия без цели и размышлений, которые несут опасность для общества своей непрогнозируемостью. Последствием этого является то, что неполитизированное население начинает идентифицировать себя с носителями и структурами власти, на которые мы нападаем. Тем важнее всегда стараться сделать наши цели, моральные и этические принципы как можно более доступными и открытыми для окружающих.

Под следствием один, но имеют в виду всех нас. В общем, что делать?

Мы попытались описать и упорядочить существо, формы и цели репрессий, поскольку считаем необходимым основательно разобраться с этим вопросом. Мы хотим достичь того, чтобы из этого выросло основополагающее отношение к системе. И в нашей собственной повседневной практике мы постоянно сталкиваемся с тем, что не до конца прояснили для себя вопросы взаимоотношения с существующей системой господства, из-за чего часто происходят фатальные ошибки. Далее следуют несколько вопросов к нашим действиям, отражающим недостаточную проработанность нашей позиции, которая зачастую имеет место быть:

- Почему мы делаем какую-то акцию и удивляемся последствиям, если нас вяжут?

- Почему мы радуемся, когда государственные репрессии в виде ограничений в передвижении, наблюдения по месту жительства или полицейских дубинок достаются нацистам?

- Как мы можем дойти до того, чтобы приветствовать запреты праворадикальных партий и организаций?

- Почему мы разговариваем с ментами, от чего потом страдают другие?

- Почему мы скорее будем оплачивать штрафы, чем, объединившись, отстаивать свои интересы?

- Почему мы считаем нормальным в случае конфликтов, например,

драки в “нашем” баре, звать на помощь ментов?

- Почему люди перестают заниматься политикой, после того как пошли на сотрудничество с судом для уменьшения наказания, обещая “исправиться”. К тому же, обсуждая это как стратегическое решение?

- Почему мы заканчиваем заниматься политикой в определенном возрасте, отдавая предпочтение работе и личной жизни?

- Почему мы вообще больше не рассматриваем возможности определенных нелегальных действий и возможностей добычи денег?

- Почему в наших рядах мы можем найти господствующие механизмы исключения и подавления, например, в форме макизма или расизма?

Все эти вопросы требуют ответов и обсуждений.

Многие задаются вопросом, почему так сложно вести эти дискуссии и выработать взаимоотношение к господствующей общественной системе, которое было бы антагонистичным. Может, потому что:

- Мы сами являемся частью этого общества и отчасти сами извлекаем выгоду из его механизмов подавления.

- Существует все меньше альтернативных социальных сетей, в которых мы можем жить и работать, чтобы обеспечить себе немного “свободного пространства” от условий и регулирования свободного рынка.

- Условия для создания таких

пространств все хуже, и мы просто прекратили бороться.

- *Мы думаем, что развитие ситуации в мире оставляет мало надежды на скорое изменение этих взаимоотношений.*

- *Больше не существует традиции милитантных практик*

- *Милитантность превратилась в фетиш, и антагонизм стал синонимом милитантности.*

Вопросы о вопросах, ответить на которые мы можем только в наших группах или даже только сами для себя. Несмотря на все эти вопросы, репрессии не ждут, пока мы разберемся с нашим к ним отношением, а обрушиваются зачастую неожиданно и зачастую на неподготовленных людей. Существуют две распространенные реакции на репрессии, которые мы считаем в принципе неверными. Одна — это воткнуть голову в песок и прекратить сопротивление. Что значит, что государственные репрессии достигли одной из своих целей — сопротивление сломлено. Вторая — это просто игнорировать репрессии. Те, кто отказывается от правил безопасности по принципу “мне пофиг”, ставят под удар не только себя. Он/а не обращает внимания на то, что репрессии — это часть политических условий, в которых мы ведем наше сопротивление.

Даже если есть попытки специально создать другое впечатление, как и прежде действует принцип: “Репрессии коснулись одного/одной, имеют в виду всех нас!” То, что имеют в виду всех нас, не значит, что не надо заботиться о каждом в отдельности. Тот, кто попал в жернова правосудия, для начала изолирован и по праву может находиться в неуверенности, да и просто бояться. Он

или она нуждается в этот момент в нашей солидарности, которую можно дать почувствовать по-разному.

Что касается “повседневных” форм репрессий (вроде контроля машин, произвольного выхватывания людей на демонстрациях, проверки документов, попытки “завязать разговор” и выписать штраф и т.д.), то здесь требуется наша солидарность, то есть подойти, спросить, чем можно помочь, показать, что есть кто-то, кто не согласен!

Экстремальный случай, когда кто-то из нас оказался в тюрьме. Ее или его нельзя ни в коем случае забывать! Как раз в этой ситуации контакт с товарищами на свободе жизненно необходим. Что можно сделать:

- *Материальная поддержка: собрать денег, писать письма в тюрьму, позаботиться об адвокате...*

- *Сделать факт пребывания товарища в тюрьме достоянием общественности, например, распространяя листовки, проводя информационные мероприятия, демонстрации у тюрьмы, посещая судебные заседания.*

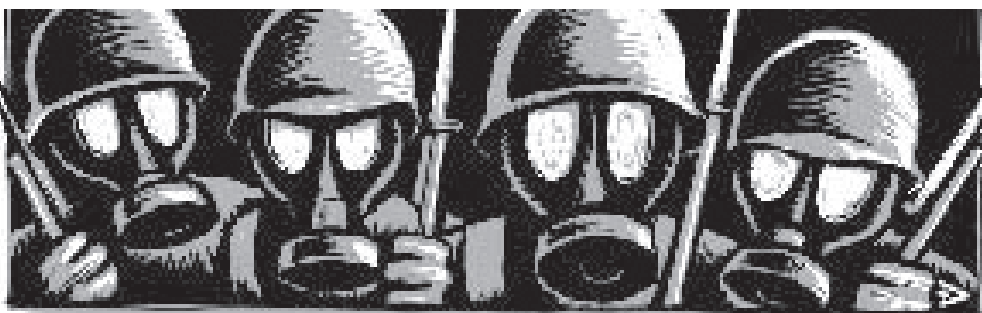
- *Постараться добиться посещения и организовать обмен письмами с находящимися в заключении.*

- *Продолжать борьбу за тех, кого посадили в тюрьму.*

Бесполезно жаловаться на беспощадность репрессий. Наши рассуждения должны сосредоточиться на том, какое содержимое криминализуется и почему, а также как мы можем повлиять на равновесие сил таким образом, чтобы хоть краткосрочно помешать государству осуществлять репрессии.

Мы должны выработать такое отношение к репрессиям, которое бы

отражало нашу политическую цель и осознание собственной политической работы. Борьба с репрессиями и их обсуждение не должны затмевать обсуждение и борьбу за наши политические цели. Наши индивидуальные страхи, ощущение бессилия и неуверенности, вызванные государственными репрессиями, должны быть проанализированы и остановлены коллективно. Все это части индивидуального, коллективного и наступательного развития. Все это, конечно, не отменяет репрессий: штраф остается штрафом, а тюрьма остается тюрьмой. Мы хотим и должны противопоставить репрессивному аппарату, соблазну деполитизации и отчуждения — наше развитие, развитие коллективных структур и политической организации, и только они дают нам возможность действовать вместе.

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ: РУКОВОДСТВО ДЛЯ АКТИВИСТОВ⁶

Что такое культура безопасности, для чего она нам нужна и как ее обеспечивать...

Активизм и государственные репрессии

Эта брошюра содержит информацию, важную для участников групп, поддерживающих или использующих радикальные методы. Приведенные ниже советы особенно будут полезны и для участников групп, практикующих гражданское неповиновение, особенно потому что часто люди принимают участие в нескольких группах одновременно и между ними свободно циркулируют слухи.

Даже если вы никогда не выражали ваши политические убеждения путем нанесения ущерба собственности, метанием булыжников и не подвергались аресту за гражданское неповиновение; если вы думаете, что вам нечего скрывать, рекомендации, представленные ниже, необходимы как для усиления вашей личной безопасности, так и для повышения общей эффективности наших движений.

⁶ Этот текст является частичным переводом канадской брошюры "Security Culture: A handbook for activists", оригинал можете найти на [www.no2010.com /Resources /securebooklet.pdf](http://www.no2010.com/Resources/securebooklet.pdf)

Правительства индустриально развитых стран преследуют не только группы, которые пропагандируют экономический саботаж, но и группы, которые его не поддерживают, не только милитантные движения, но и движения, подчеркивающие свой пацифизм. Аппарат госбезопасности служит политическим и экономическим целям капитализма. На собственном опыте это прочувствовало свыше 250 нынешних политических заключенных в Канаде и США. Лишь усвоив культуру безопасности, мы можем ограничить или нейтрализовать контрразведывательные операции, предназначенные для разрушения нашей политической организации, будь она открытой или подпольной.

От крупных восстаний, затрагивающих всю политическую структуру, до социальной борьбы и борьбы за окружающую среду крестьяне-повстанцы, коммунары, аболиционисты, рабочие, революционеры — всегда боролись, чтобы построить лучший мир. Ответом правительства всегда были репрессии, направленные на сохранение существующего положения вещей.

В последнее время правительственный контроль и преследования увеличились в связи с ростом движений прямого действия. Минимизация разрушительного влияния политических репрессий требует от нас обеспечения и развития культуры безопасности в движениях.

Что же такое культура безопасности?

Это культура, обладая которой, люди знают о своих правах и, что более важно, умеют отстаивать их. Владеющие культурой безопасности также знают, какое поведение ставит безопасность под удар, и быстро обучают тех людей, кто по незнанию, забывчивости

НЕ БОЛТАЙ!

или по личной слабости совершает небезопасные поступки. Когда внутри группы, как единого целого, нарушения безопасности социально неприемлемы, безопасность становится культурой.

Культура безопасности является чем-то большим, чем просто выявление характерного безалаберного поведения, в особенности хвастовства, распространения сплетен и лжи. Это еще и проверка норм поведения и практик движения в целом, чтобы гарантировать, что наши собственные репрессивные практики не поддерживают разведывательные операции, проводящиеся против нашего общества.

Например, расизм и сексизм могут разделить движение, делая некоторых людей более открытыми для агентов (тех, кто чувствует себя маргинализированными в результате действий группы). Наши движения должны проделать большую работу, прежде чем мы приступим к более важным делам — важно осознать, что деспотичное поведение

льет воду на мельницу плохой культуры безопасности в целом.

(Не)безопасные привычки

Активистам нравится разговаривать. Мы можем сидеть дни напролет, обсуждая теорию, тактики и стратегию. По большей части, это полезно для анализа и нашей работы, но в других обстоятельствах это может быть и опасным.

Чего не следует говорить

Для начала, есть некоторые вещи, неуместные для обсуждения, к которым относятся:

- *ваше или чье-то еще участие в подпольной группе*
- *желание кого-то иного принять участие в подобной группе*
- *вопросы к другим по поводу их членства в подпольной группе*
- *ваше участие или участие кого-то другого в любом нелегальном действии*
- *пропаганда кем-либо другим нелегальных действий*
- *ваши или чьи-то еще планы касательно предстоящей акции*

По существу, говорить об участии кого-либо в нелегальной деятельности (в прошлом, настоящем и будущем) — крайне вредно. Это неприемлемые темы для дискуссий, вне зависимости от того, слухи это, предположения или личная осведомленность.

Учитите:

Мы не имеем в виду, что неправильно обсуждать прямое действие в общих словах. Вполне законно, безопасно и хорошо, когда люди высказываются в поддержку саботажа и всех форм со-

противления. Опасность заключается в привязке конкретных активистов к каким-либо действиям или группам.

Три исключения

Есть только три ситуации, когда допустимо говорить о каких-либо действиях и участии в них.

Первая ситуация — это когда вы планируете акцию с другими членами вашей маленькой группы (“ячейки” или “группы близости” — аффинити-группы). Тем не менее, эти обсуждения никогда не должны происходить посредством интернета, электронной почты, телефонной связи, почты, в доме либо автомобиле активиста, поскольку за такими способами связи и местами часто устраивают слежку. Обсуждение должны слышать только те люди, которые действительно участвуют в акции. Тому, кто не вовлечен, нет необходимости быть в курсе дела и, следовательно, этот человек не должен быть осведомлен.

Второе исключение — когда активиста арестовывают и отдают под суд. Если он(а) признается виновным(ой), активист(ка) может свободно говорить об акциях, за которые он(а) был(а) осужден(а). Тем не менее, он(а) никогда не должен(на) выдавать информацию, которая может помочь властям определить, кто еще участвовал в нелегальной деятельности.

Третье исключение действует для анонимных писем и интервью СМИ. Это следует делать очень осторожно, не подвергая риску безопасность, ни свою, ни товарищей.

Это единственные ситуации, когда допустимо говорить о вашей или чьей-то еще причастности или намерении совершить нелегальные акции прямого действия.

Меры безопасности

Бывалые активисты позволяют лишь немногим избранным знать о своем участии в группах прямого действия. Эти немногие являются членами ячейки, с которыми они совершают акции, И БОЛЬШЕ НИКТО!

Причина таких предосторожностей очевидна: если люди чего-то не знают, они не смогут болтать об этом. Когда активисты, которым не угрожают те же серьезные последствия, знают, кто совершил незаконную акцию прямого действия, они с гораздо большей вероятностью заговорят, подвергнувшись запугиванию и давлению властей, поскольку не им придется сидеть в тюрьме. Даже заслуживающие доверия люди могут раскрыть властям уличающую информацию, будучи обманутыми. Безопасней всего для членов ячейки хранить в тайне свое участие в группе. Чем меньше людей, которые знают, тем меньше улик.

Типы поведения, которые ставят безопасность под угрозу

При попытке произвести впечатление на других, активисты могут совершать поступки, ставящие безопасность под угрозу. Некоторые люди делают это часто — они имеют обыкновение распускать слухи и хвастаться. Некоторые активисты говорят неуместные вещи только когда выпивают. Многие создают случайные бреши в безопасности из-за кратковременного соблазна сказать что-нибудь или намекнуть на что-то, что не должно упоминаться или предполагаться. Почти всегда в корне этого — желание признания.

Люди, представляющие наибольший

риск для безопасности, — это активисты с недостаточной самооценкой и жаждой одобрения от членов своей группы. Вполне естественно стремиться к дружбе и признанию наших достижений, однако мы обязаны держать эти желания под контролем, чтобы не подвергнуть риску безопасность других активистов и свою собственную. Люди, которые ставят свое желание дружбы выше важности дела, могут нанести серьезный урон безопасности.

Вот примеры поведения, попирающего безопасность:

Ложь: Чтобы произвести впечатление на других, лжецы заявляют о совершении незаконных действий. Такая ложь ставит под угрозу не только личную безопасность — так как менты могут не согласиться с тем, что сказанное было ложью, — но также препятствует формированию солидарности и доверия.

Распускание слухов: Некоторые думают, что могут завоевать друзей, потому что у них есть секретная информация. Такие сплетники будут всем говорить о том, кто какие действия совершал; или если они не знают, высказывать предположения о том, кто, по их мнению, сделал то или иное действие; или просто распространять слухи о том, кто это делал. Такого рода разговоры очень вредны. Люди должны помнить, что слухи — это все, что нужно для начала расследования и даже предъявления обвинений.

Хвастовство: Некоторые люди, которые принимают участие в незаконных действиях, могут испытывать соблазн похвастаться об этом среди своих друзей. Это не только подвергает риску безопасность самого болтуна, но также и других людей, вовлеченных в эти дей-

ствия (так как они могут быть заподозрены по принципу близости = его/ее аффинити-группа). Кроме того, людей, с которыми он/она разговаривал(а), могут обвинить в укрывательстве преступления. Активист, который хвастается, также подает дурной пример.

Косвенное хвастовство: Косвенные хвастуны — это люди, которые делают большой акцент на том, как они хотят сохранять анонимность, избегают протестов и остаются в “подполье”. Они, может, и не заявляют, что занимаются нелегальной деятельностью, но у каждого, кто находится в пределах слышимости, создают уверенность, что они в чем-то замешаны.

Они не лучше хвастунов, но они пытаются быть более изощренными в этом, симулируя поддержание безопасности. Однако если бы они серьезно относились к безопасности, то они просто нашли бы хорошее оправдание относительно того, почему они не столь активны или почему они не могут участвовать в протестах. Соккрытие важной информации даже от проверенных товарищей гораздо лучше, чем подвергать опасности подпольную работу.

Учение для освобождения

К несчастью, некоторые люди в движении невежественны с точки зрения безопасности, а некоторые, возможно, выросли в такой “сцене”, где процветают хвастовство и сплетни. Это означает, что эти люди плохие, но это значит, что им нужно узнать о личной и групповой безопасности. Даже бывалые активисты совершают ошибки, если в группе существует общий недостаток осознания безопасности.

Избежать ошибок и упрочнить безопасность — это как раз то, в чем вы, чи-

тающие это, можете помочь. Мы ВСЕГДА должны информировать людей, чье поведение нарушает безопасность. Если кто-то, кого вы знаете, хвастается совершенным действием или распространяет слухи, компрометирующие безопасность, ваш долг — объяснить ему или ей, почему такого рода разговоры попирают безопасность и являются неуместными.

Вы должны объяснить человеку без ущемления его чувства гордости, чтобы он понял и поменял свое поведение. Покажите вашу искреннюю заинтересованность в том, чтобы помочь ему/ей стать более грамотным активистом. Будьте скромны и избегайте демонстрации позиции превосходства. Невнимательный подход может пробудить защитные реакции человека, воспрепятствовать выслушиванию и использованию предложенных советов. Цель объяснения необходимости безопасности другим — уменьшение небезопасного поведения, а не демонстрация вашей сознательности в вопросах безопасности. Делитесь вашей озабоченностью и познаниями наедине, так чтобы человек не чувствовал себя публично оскорбленным. Обращение к человеку сразу же после нарушения правил безопасности увеличивает эффективность.

Если каждый из нас возьмет на себя ответственность за обсуждение вопросов безопасности с людьми, которые совершают ошибки, мы сможем серьезно улучшить безопасность в наших группах и нашей деятельности. Когда люди поймут, что ложь, сплетни, хвастовство и неуместные разборки полетов наносят ущерб как им самим, так и остальным, такое поведение быстро прекратится.

Развивая культуру, где нарушения безопасности обсуждаются и им препятствуют, настоящие активисты будут быстро выявлять, кто является стукачом и провокатором.

Рассматривая хронические проблемы безопасности

Что же нам делать с активистами, которые продолжают нарушать меры предосторожности даже после многократного уведомления?

К несчастью для них, лучшее, что можно сделать, — это порвать с ними. Обсудите проблему открыто и попросите их покинуть ваши собрания, лагеря и организации. С увеличением расходов на деятельность правоохранительных органов, новыми анти-террористическими законами, которые требуют более строгих приговоров за политические действия и с судами, выносящими длительные сроки за политические “преступления”, ставки стали слишком высоки, чтобы позволять хроническим нарушителям безопасности оставаться среди нас.

Создавая культуру безопасности, мы получим эффективную защиту против доносчиков и сотрудников спецслужб, которые пытаются проникнуть в группы. Представьте себе информатора, который всякий раз спрашивая другого активиста о его/ее деятельности, получает информацию о безопасности. Это сорвет работу доносчика. Когда другие активисты обнаружат, что он/она продолжает нарушать меры предосторожности после неоднократных объяснений, возникнут основания для изоляции этого человека от наших групп. И мы избавимся от необходимости иметь дело с еще одним стукачом!

Золотое правило молчания

Во всех наших движениях должен делаться акцент на том, что никто не должен предоставлять ментам никакой информации, кроме своего ФИО, адреса и даты рождения, и то только в случае задержания. Все! Говорить что-то большее — значит ставить безопасность под угрозу. Даже ответы на несущественные по виду вопросы могут помочь “органам” в разработке личностных профилей многих активистов. Это может не являться “уликой”, но это может быть использовано, чтобы дать милиции “наводки” на других подозреваемых и сочинить “дело” в ходе судебных разбирательств. Если вас арестовали, единственным принципиальным ответом на все вопросы “органов” будет не говорить ничего кроме вашего ФИО, даты рождения и адреса. Если вас допрашивают дальше, вы можете просто сказать: “Мне нечего сказать (кроме как в присутствии моего адвоката)”, “Не помню”, “Не знаю”. Согласно ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, “никто не обязан свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников”, пользуйтесь этим как своеобразной палочкой выручалочкой, особенно, если из вас вытягивают сведения о ваших родственниках или подталкивают вас к самооговору. В 99 случаях из 100 обвинением для следствия и основанием для обвинительного приговора суда служат показания самого обвиняемого. Если следователь нервничает или начинает на вас кричать и пугать вас — это верный признак того, что ничего у него на вас нет. Необходимо всегда помнить — все, что будет сказано вами, может быть и, скорее всего, будет использовано против вас — и это не пустая фраза.

Чаще всего в обвинении следователь опирается на показания именно первого допроса.

Модель борьбы с повстанческими движениями

Большинство западных национальных государств используют модель борьбы с повстанческими движениями, разработанную экспертом британской разведки по имени Китсон, описанную им в книге “Операции низкой мощности” (Low Intensity Operations) на основе длительной полевой работы в колониях. Он выделил три стадии в развитии движений:

Подготовительная фаза: Движение малочисленно, стремится сфокусироваться на обучении, издании брошюр и подобной деятельности, а также построении инфраструктуры.

Ненасильственная фаза: Движение принимает более массовый характер. Большие демонстрации являются нормой.

Фаза восстания: Движение приобретает народный характер. Возможно появление более агрессивных составных частей в виде партизанской войны.

Китсон дает совет разведывательным службам проводить первостепенную работу в ходе подготовительной стадии. В

это время движения наиболее уязвимы. У них нет опыта сильных репрессий. Они считают разговоры о безопасности не более чем паранойей. Так как они не нарушают законов, они считают, что организовываться, ничего не скрывая, безопасно. Следовательно, разведывательные службы могут воспользоваться этими условиями и разработать подробные досье на широкий круг людей. Информация будет чрезвычайно ценной для них впоследствии.

Важные исторические революционные движения и группы начинались как серьезные маленькие проекты, которые выросли, несмотря на слежку и репрессии. Поэтому важно соблюдать меры безопасности на всех стадиях развития движения. Агенты государства собирают больше, чем просто “веские доказательства”; они заодно специализируются на убеждениях радикалов.

Менты пытаются контролировать с помощью страха, не дай себя запугать!

Помни: Если мент стучится в дверь, закрой рот на замок!

ХРАНИ МОЛЧАНИЕ!

НИКАКИХ ПОКАЗАНИЙ НИ МЕНТАМ, НИ СПЕЦСЛУЖБАМ!⁷

Название этого текста воспроизводит лозунг столь же старый, как и само анархическое движение. Авторы брошюры убеждены, что единственно верный способ выдержать государственные репрессии — это отказ от дачи любых показаний. В данном случае это вопрос солидарности, а не личного выбора. Следование этому принципу является фундаментом солидарности внутри движения и необходимо для обеспечения безопасности как отдельных активистов, так и движения в целом.

Сейчас в России вновь набирают обороты репрессии политического протеста. Активисты все чаще подвергаются арестам за все более незначительные “правонарушения”, проводят больше времени в предварительном заключении, получают более высокие штрафы и более длинные тюремные сроки.

Этой брошюрой мы хотим вновь подчеркнуть основной принцип анархического движения: “Храни молчание! Никаких показаний ни ментам, ни спецслужбам!”.

⁷ Этот текст составлен на основе брошюры “Remain silent!” нидерландской группы “Linkse Hulp”. Оригинал брошюры: http://www.linksehulp.nl/publicaties/zwijg_engels.pdf/view

Кто есть кто?

Люди, которые самоорганизуются с целью коренным образом изменить отношения внутри общества, рассматриваются властями как потенциально опасные, поэтому власти всегда будут пытаться собрать как можно больше данных относительно протестного движения: Какие организации и группы составляют эти движения? Какие у них практические и теоретические цели? Какие слои населения задействованы? Кто знает кого? И так далее. Таким образом, целью каждого произведенного ареста является не столько индивидуальное наказание активиста, сколько сбор информации относительно его политических и личных связей.

Хранить молчание во время допроса — отличный способ избежать всего этого.

“Все, что вы скажете, может быть использовано против вас!”

Они утверждают это сами, и для разнообразия это чистая правда. Хранить молчание — это ваше право, и нет никаких законов, обязывающих вас давать показания (за исключением свидетеля).

Храня молчание, вы оставляете вашим дознавателям меньше возможностей задавать навоящие вопросы. Если вы будете отвечать, вы можете запутаться в лабиринте новых вопросов, начнете противоречить сами себе и можете допустить глупые ошибки. Не стоит недооценивать своих дознавателей: допрашивать людей и выявлять ложь — их работа, они обученные профессионалы своего дела. Храня молчание и не отвечая на поставленные вопросы, вы лишаете их возможности для дальнейших зацепок и не даете загнать себя в ловушку.

Не существует “невиновных” показаний

В случае с политическими “правонарушениями” (как и со всеми остальными) цель следствия — найти и осудить виновных, которых следует выделить из круга подозреваемых. Давая показания касательно своей невиновности (“Нет, я не крушил этот забор”), ты помогаешь сузить этот круг, и, возможно, неумышленно привлекаешь внимание следствия к товарищу, который также является подозреваемым. Это также относится к показаниям, которые, по твоему мнению, лишь оправдывают тебя, не подвергая опасности кого-либо еще. Для примера, если из трех человек, участвовавших в акции и впоследствии арестованных, кто-то заявляет, что он всего лишь стоял на шухере, он так или иначе дает понять, что двое оставшихся товарищей крушили забор. Если тебя подозревают в принадлежности к преступной или террористической организации, практически невозможно давать показания, относящиеся только к тебе лично. Твои показания инкриминируют любого потенциального участника. Так для примера, если ты утверждаешь, что лишь оказывал пострадавшим первую помощь, ты фактически признаешь, что существует разделение труда. Исходя из твоих показаний все остальные люди, арестованные вместе с тобой, причисляются к членам “организации”.

Политическим заявлениям на допросе не место!

Вы не обязаны объяснять свои убеждения или смысл своих действий следователям. Их задача — выжать из вас показания, которые можно будет использовать против вас же самих или

других людей, а не подвергать ваши политические убеждения моральному судилищу. Если они все же прибегают к этому, они делают это для того, чтобы спровоцировать вас и выудить как можно больше информации, а вовсе не потому что им интересно вступать с вами в политические дискуссии. Поддаваться эмоциям в подобной ситуации весьма опрометчиво и в корне неправильно. Вы можете быть озлоблены или напуганы возможностью грядущего наказания, или они могут постоянно отпускать провокационные политические заявления. Как угодно — но, до того как вы сами это осознаете, вы начинаете отстаивать свои идеи и действия, а менты получают то, что хотели: вы зажаты в угол.

Неловкое молчание

Хранить молчание может стать куда более сложной задачей, чем кажется. В конце концов, вы лишены свободы, вы отделены от вашей привычной среды и друзей. Репрессивный аппарат контролирует все ваши дни и ночи, и, кажется, ваша судьба полностью в их руках. Вы чувствуете себя беззащитным: Какие улики они имеют против меня? Посадят ли меня в тюрьму? Какой они вынесут приговор? Что еще они знают обо мне?

Вы, должно быть, обеспокоены: Арестовали ли они также кого-нибудь из моих друзей и товарищей? Как их дела? Смогут ли они хранить молчание в ходе допроса? Что если мои родители узнают, что я здесь? Потеряю ли я работу, если меня продержат здесь до завтра? Выгонят ли меня из школы/института?

Возможно, вы вините себя: “Мы плохо подготовились к акции”; “Я должен был увидеть ментов задолго до того,

как все произошло”; “Как я мог быть таким идиотом?”

Подобные эмоции и неуверенность дают плодородную почву для работы ваших дознавателей. Они полностью осознают собственную власть и вашу незащищенность и постараются извлечь из этих обоих факторов максимум пользы для себя. Если вы уже эмоционально неустойчивы, вы будете более чувствительны к их подозрительности и грубости, им будет легче расколоть вас.

Прикройте свой тыл

Некоторые моменты, которые следствие может впоследствии использовать против вас, можно уладить заранее. Осознавайте тот факт, что политический активизм может привести к тюремному заключению и что сопротивление — это не игра. Примите некоторые практические меры:

Убедитесь, что ваши друзья или те, с кем вы вместе живете, знают, что делать в случае вашего ареста. Стоит ли им оповещать ваших родителей или нет? Надо ли им сообщить о произошедшем по месту вашей работы? Что конкретно вы хотите, чтобы они сказали? Необходимы ли вам какие-либо лекарства? Должен ли кто-то кормить вашу кошку?

Вам стоит принимать участие лишь в тех политических акциях, которые вы полностью поддерживаете. Это касается как формы протеста, так и его политической цели. Вы должны четко осознавать необходимость ваших действий для самого себя и быть в состоянии справиться с их возможными последствиями. Подумайте над этим перед тем, как решите принимать участие в акции. Активиста с серьезной мотивацией сложнее расколоть.

Никогда не считайте себя обязанным участвовать в акциях, если вы боитесь или если вы не уверены, что в состоянии справиться с возможными последствиями ваших действий. В противном случае увеличивается вероятность того, что вы допустите ошибку, и вами будет легче манипулировать в ходе допроса. Показная решительность не является полезным качеством. Берите на себя лишь те задачи, выполняя которые вы будете чувствовать себя уверенно. Все задачи важны, не позволяйте никому доказывать вам обратное!

Конечно, может случиться так, что вас примут на акции, которую вы не поддерживаете. Но вы должны осознавать, что политические вопросы должны решаться внутри движения, а не через ментов. Ваши дознаватели всегда будут пытаться использовать любые внутренние идеологические разногласия. Они могут пугать вас, что вы понесете наказание за взгляды, которые не разделяете. Или же они могут быть дружелюбными и, прикидываясь, что они понимают и ценят ваши действия, будут говорить, что вы сами не согласны с “бездумной группой экстремистов”, которые вредят всему движению. Держите себя в руках, не говорите им ни слова. Находитесь ли вы в состоянии ссоры с другими активистами, не желаете ли вы находиться с ними на одной демонстрации — всегда выясняйте отношения, освободившись: политические разногласия решаются внутри движения, а не посредством ментов!

Страх и волнение вполне объяснимы в экстремальной ситуации. Однако все это лишь подрывает ваши и без того ослабленные позиции. Так что постарайтесь отбросить все негативные эмоции и оставаться спокойными и уверенными в себе, как бы это не было трудно. Не

забывайте, что вы правы. Верьте в значимость своих поступков. Черпайте силу из своих идей, будьте горды за себя, ведь не у каждого хватит духа восстать против социальной и политической несправедливости. Помните, что вы не одиноки в своих убеждениях.

Рассказывайте своим друзьям и товарищам о тюрьмах и репрессиях, читайте и обсуждайте эту брошюру вместе, узнавайте больше о правах арестованных и заключенных.

Лицом к лицу

У ментов есть множество способов допрашивать вас. Содержание и продолжительность допроса зависит от многих факторов, таких как суть и тяжесть предъявленных вам обвинений, уровень образования дознавателей и ваше собственное поведение в ходе допроса.

Они могут выбрать наиболее прямолинейный метод, непрерывно задавая вопросы по существу. Или же наоборот, они попытаются втянуть вас в разговор на темы, прямо не затрагивающие “правонарушение”, в котором вас обвиняют, чтобы позднее перевести разговор в нужное им русло. Также менты могут попытаться сыграть на ваших эмоциях, постоянно меняя тон допроса. Для примера, сначала они могут вести себя дружелюбно, однако, позже кричать и угрожать вам. Таким образом они хотят запутать вас эмоционально и заставить говорить.

Еще раз: Никогда не стоит недооценивать ваших дознавателей и никогда не стоит говорить с ними о чем бы то ни было!

Их цель — “выяснить правду” и собрать информацию. Ваше базовое право хранить молчание делает осуществ-

вление этой цели невозможным.

Что бы они ни говорили вам в течение допроса, имейте в виду, они будут использовать все ваши слова против вас, не верьте им и не отвечайте ни на какие вопросы.

На их взгляд, за каждое “преступление” кто-то должен заплатить, в конечном счете. И вы являетесь одним из подозреваемых.

Если вам предоставляют государственного адвоката, то он/а обычно будет советовать вам сотрудничать со следствием. Не идите у них на поводу, требуйте встречи с вашим собственным адвокатом.

Различные способы хранить молчание

Старайтесь быть максимально непроницаемым. Источайте уверенность, для примера, сидите прямо, положите руки на стол. Смотрите им прямо в глаза, не отводя взгляд. Или же наоборот, игнорируйте их, уставившись в угол комнаты. Представьте себе воображаемый рисунок на одной из стен. Думайте о чем-нибудь постороннем и не позволяйте их вопросам и комментариям достигать вас.

Мы пока еще не собираемся идти домой

Представление о том, что вы выйдете раньше, если будете давать показания, является мифом. Это еще одна уловка дознавателей, призванная заставить вас говорить, так как у них нет этой власти над вами. Чем больше вы говорите, тем больше возможностей для дальнейших вопросов вы им даете.

Наиболее быстрый и безопасный, как лично для вас, так и для всего

движения, способ выйти — хранить молчание и не давать показаний!

Дом, милый дом

После того как они закончили с вами, и вас только что освободили, многие первым делом хотели бы помяться встречаться с друзьями. Однако история еще не закончена. Постарайтесь написать отчет о времени, проведенном в заключении. Не откладывайте это на потом, пишите, пока ваши воспоминания еще свежи:

Как с вами обращались при задержании? Были ли вы взяты под стражу? Сохраните все доказательства этого (протоколы). Как с вами обращались в камере? Получали ли вы необходимые лекарства и медицинскую помощь в случае необходимости? Уделяйте особое внимание вопросам. Как часто вас допрашивали? Сколько сотрудников органов присутствовало при допросах? Фамилии? Должности? Они сообщали, в каком отделе работают? Заметили ли вы какие-либо особые приемы при допросе, подобно тем, которые были упомянуты в данной брошюре? Они оказывали на вас давление? Они называли имена других людей? Они показывали вам фотографии? Какие конкретно вопросы они вам задавали?

Попробуйте запомнить как можно больше деталей и запишите их при первой же возможности. Пошлите эту информацию группам “Анархического черного креста” (Москва: abc-msk@riseup.net и С.-Петербург: a4kpiter@gmail.com) или “Legal Team” (LegalTeam@googlegroups.com). Все это поможет проанализировать стратегию следствия, к примеру, существует ли вероятность дальнейших арестов среди конкретных групп. При необходи-

мости вашу информацию можно будет объединить с подобным опытом других людей для составления брошюр, описывающих противоправные действия представителей власти.

Развязали язык в конце концов?

Возможно, все же, несмотря на все ваши хорошие намерения, вы не сумели держать рот на замке в течение допроса. Может быть, они сумели найти ваше слабое место, и вы сломались. Возможно, вы думали, что сможете перехитрить их, но выдали больше, чем намеревались. Как бы то ни было, что бы ни заставило вас сделать это, первым делом вы должны оповестить ваших друзей и товарищей о том, что случилось. Это, должно быть, будет трудно, вы будете чувствовать себя виноватым или, возможно, даже считать себя стукачом, предавшим дело. Это определенно неприятная ситуация, однако, будет лучше, если вы немедленно расскажете об этом, чем если об этом позже ваши товарищи узнают сами. Естественно, реакция будет негативной, но если вы честно расскажете, что именно вы говорили на допросе, ущерб от ваших слов будет гораздо меньшим. Скрывая свою оплошность, вы лишь сделаете хуже и себе, и своим друзьям.

ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ!

НИКОГДА НЕ ДАВАЙТЕ ПОКАЗАНИЙ!⁸

Что такое допрос?

Допрос — это когда менты задают вам вопросы, касающиеся правонарушения, в котором вас обвиняют. Допрос обычно проводится в комнате для допросов отделения милиции. На допросе преимущества есть только у ментов. Запомните, они хотят возбудить против вас дело по любому обвинению, какое они только смогут вам приписать. Допрос — это проигрышная ситуация. Единственная нужная фраза, которую можно сказать на допросе — “Отказываюсь от дачи показаний”. Запомните, они не могут вынудить вас давать показания против самого себя законными методами.

Почему менты хотят, чтобы я отвечал на вопросы?

Если менты думают, что у них достаточно свидетельств против вас, им не понадобится вас допрашивать. В большинстве арестов за нарушение общественного порядка они полагаются на показания одного-двух ментов или свидетелей, ваши показания не важны для них. Менты хотят признать виновными как можно большее количество людей потому что:

1. Они хотят осудить вас, чтобы создать видимость, будто они хорошо

работают по раскрытию преступлений. “Выполнение плана” очень важно для ментов. Чем больше осуждений за преступления они выносят, тем лучше для них.

2. Сотрудники милиции хотят продвижения по службе. Подъем вверх по иерархической лестнице они получают благодаря числу преступлений, которые они “раскрыли”. Ни один мент не хочет всю жизнь оставаться мальчиком на побегушках.

Раскрытое преступление — это осуждение кого-либо. Достаточно вспомнить процесс Бирмингемской Шестерки (шестерых невиновных мужчин осудили за взрывы в пабе и причастность к ИРА, и продержав в тюрьме 16 лет, в 1991 году оправдали), чтобы понять, как далеко сотрудники органов внутренних дел могут зайти, чтобы добиться признания подсудимого виновным. Задержания людей для “выполнения плана” и одновременно избавление от людей, которые не нравятся “органам”, — широко распространенные практики ментов в большинстве стран.

⁸ Этот текст составлен на основе брошюры “No Comment”, выпущенной АЧК-Лондон.

Итак, раз милиция хочет допросить меня, это говорит о том, что мои дела не так уж плохи?

Да. У них может не быть достаточного количества улик, и они надеются, что на допросе вы впутааете себя и других людей. Легкий способ остаться в этом выгодном положении — не допустить втягивания себя в беседу и отвечать “Отказываюсь от дачи показаний” на любые вопросы.

А если свидетельства выглядят так, будто у них на меня что-то есть? Не лучше ли объяснить обстоятельства моего задержания, чтобы они меня освободили?

Единственное свидетельство, которое имеет значение, это свидетельство, представленное в суде. Единственным местом для объяснений является суд. Если они решили не выпускать вас, никакие объяснения не помогут вам выйти. Если у милиции достаточно улик, все, что вы скажете, может только стать дополнительным свидетельством против вас.

Когда менты допрашивают кого-нибудь, они делают все возможное, чтобы запутать и запугать вас. Вопросы могут и не относиться к преступлению. Их цель: успокоить вас, склонить вас к разговору. Если вы отвечаете на маленькие вопросы “ни о чем”, а потом молчите на вопрос о преступлении, это хуже выглядит на суде. Чтобы преследовать вас в судебном порядке, менты должны представить суду свои доказательства. Доказательство обычно основывается на очень незначительных моментах: вот почему так важно не да-

вать никаких показаний, находясь под арестом. Если у них недостаточно улик, дело может быть отправлено из зала суда на доработку или даже никогда не дойти до суда. Вот почему они хотят, чтобы вы начали давать показания. Им нужны любые улики, которые они могут получить. Одно слово может причинить вам массу неприятностей.

Я решил держать свой рот на замке. Какие уловки я могу ожидать от милиции, чтобы заставить меня говорить?

Менты пытаются заставить людей давать показания многими хитрыми способами. Ниже приводятся несколько неплохих примеров, но на вас могут попробовать и что-то другое.

Это приемы, на которые подлавливают людей. Не попадайтесь!

“Ну давай же, мы знаем, что это ты, твой дружок в соседней камере, и он рассказал нам всю правду!”

- Если они знают всю правду, зачем им ваше раскаяние? Натравливание обвиняемых против друг друга — обычная хитрость, так как у вас нет возможности проверить, что говорит другой человек. Если вы замышляете что-то щекотливое с другими людьми, составьте историю и придерживайтесь ее.

“Мы знаем, что это не ты, но мы знаем, что ты знаешь, кто сделал это. Давай, Юль, не будь душой, расскажи нам, кто это сделал”.

- Менты могут использовать ваше имя, чтобы попытаться создать ощущение, чтобы вы думали, что они ваши друзья. Если вы молоды, они будут действовать в отцовской/материнской ма-

нере и т.п.

“Как только мы выясним, что случилось, вы будете свободны”.

- Ну конечно!

“Слышь ты, малолетний ублюдок, не пытайся нас провестить. Мы имели дело с такими крутыми парнями, сопляк вроде тебя для нас ничто. Мы знаем, ты сделал это, ты, маленький засранец, и ты нам все расскажешь”.

“Как такой хороший парень как ты оказался влутан в такое?”

- Они пытаются подкупить вас.

“Мы будем держать тебя, пока ты нам не расскажешь”.

- Если вы обвиняетесь в административном правонарушении, в течение 3-х часов вам должны предъявить обвинение (срок административного задержания исчисляется с момента доставления в соответствии со статьей 27.2 КоАП). Если вы обвиняетесь по статье КоАП, за которую административный арест не предусмотрен (например, чрезвычайно популярная 20.1 ч. 2 КоАП — за “несогласованные” демонстрации и т.п.), то по истечении 3-х часов (ч. 1 ст. 27.5 КоАП) вас должны отпустить или отправить в суд.

Если статья предусматривает административный арест до 15 суток (например, ст. 20.1 КоАП — мелкое хулиганство, например, сквернословие или справление естественной нужды в общественном месте), то вас могут держать 48 часов до суда (ч. 2 и ч. 3 ст. 27.5 КоАП). Не забывайте, что с момента административного задержания Вы имеете право на помощь защитника, которым может быть любой Ваш совершеннолетний знакомый, которого на основании доверенности менты обязаны пустить в отделение.

Даже если вы подозреваетесь в совершении уголовного преступления, вас

не могут держать более 2-х суток в ментовке, и у вас есть право на (своего!) адвоката. В течение первых 3-х часов должен быть составлен протокол задержания (ч. 1 ст. 92 УПК). По истечении 48 часов задержанный должен быть отпущен, либо срок ограничения свободы должен быть продлен решением суда (ч. 2 ст. 94 УПК).

“Ты будешь обвинен в кое-чем более серьезном, если ты не ответишь на наши вопросы, сынок. Тебя ждут неприятности. Ты долго не увидишь света белого. Начинай отвечать на наши вопросы, потому что нас уже от тебя тошнит”.

- Психологический шантаж. Маловероятно, что они предъявят вам более серьезное обвинение, которое не работает в суде. Не впадайте в панику.

“Моя племянница немного бунтовщица”.

- Ну-ну, и племянник тоже! :)

“Если чью-то бабулю ограбят сегодня ночью — это будет на твоей совести. Перестань тратить наше время попусту своим молчанием”.

- Они пытаются вызвать у вас чувство вины. Не поддавайтесь на это — вы ведь не просили вас задерживать и допрашивать?

Психологическая игра в доброго следователя и злого: Добрячок: “Что случилось? Сержант Сидоров говорит, у тебя какие-то проблемы. Он немного рассержен на тебя. Скажи мне, что случилось, и Сидоров не будет тебя допрашивать. Он не самый уравновешенный в нашем отделении и выходит из себя время от времени. Итак, что произошло?”

- “Добрый” следователь также неискренен, как и “злой”. Он или она будет предлагать вам сигареты, чашку чаю,

одеяло. Это ненавязчивое заигрывание. Это чувство. “Отказываюсь от дачи показаний!”

“Мы тут уже полчаса, а ты не сказал ни единого слова... Смотри, ты, маленькое чмо, кое-кто из ребят из отдела уголовного розыска спустится через минуту, они заставят тебя говорить в мгновение ока. Говори сейчас, или я приведу их”.

- Держись, они доведены до отчаяния. Они готовы сдаться. Ты многое проиграешь, если заговоришь.

“Пришла твоя девушка. Ты хочешь, чтобы мы арестовали ее? Мы быстренько разденем ее для осмотра. Спорю, она нам все выложит. И все из-за тебя, мудака. Говори сейчас же!”.

“Да ты психопатка хренова. Кому нужна такая мать, сука ты полоумная? Сознавайся, или твоих детей отдадут в детдом”.

- Они выбирают ваши слабые места, семью, друзей и т.п. Гэрри Конлону из Гилдфордской Четверки (также осужденному по сфальсифицированным доказательствам) говорили, что его мать застрелят RUC-овцы (Royal Ulster Constabulary — Королевская Полиция Ольстера), если он не сознается. Иногда менты преследуют семьи арестованных, но обычно они блефуют.

“Послушайте, мы пытались связаться с Вашим адвокатом, но мы никак не можем дозвониться до него. Так может продолжаться целую вечность. Почему бы Вам не воспользоваться услугами одного из наших адвокатов, мы быстренько разберемся в ситуации, и Вы сможете спокойно идти домой”.

- Никогда не допускайте допроса в отсутствии вашего адвоката и не давайте показаний, даже если ваш адвокат

советует вам — хороший адвокат этого делать не станет.

“Ты явно не дурак. Я вот что скажу, мы совершим сделку. Ты согласишься с частью обвинений, а мы порекомендуем судье, чтобы он не приговаривал тебя к лишению свободы, потому что ты сотрудничал со следствием. Как тебе такое?”

- Они пытаются уговорить тебя пойти на сделку. С ментами никаких сделок быть не может. Один парень был посажен за неуплату штрафа. Заключение, к которому его приковали наружниками в тюремном автобусе, пошел на сделку с полицией. Он признал себя виновным по обвинению после того, как ему пообещали приговор без лишения свободы. Человек поверил полиции, он был мелким бизнесменом, обвиненным в мошенничестве. Когда дело дошло до суда, судья дал ему 2 года. Парень офигел!

“Право хранить молчание давным-давно отменили. Вы обязаны рассказать нам все сейчас, это закон”.

- Как мы сказали вначале, вы по-прежнему можете ничего не говорить. Вы не обязаны говорить в милиции ничего, кроме ваших паспортных данных (ФИО, адреса и даты рождения), а также можете ничего не подписывать (право на ознакомление с протоколами, на внесение объяснений и уточнений, на отказ от подписи — ч. 4 ст. 28.2 КоАП).

Если вы задержаны по серьезным обвинениям или за серьезное насилие в отношении сотрудника милиции, вас могут бить или пытать, чтобы получить от вас признание (правдивое или ложное). Многие из людей, освобожденных после того, как были доставлены в отделение милиции, подвергались жестокому физическому обращению до тех пор, пока не признались в поступках,

которых не совершали. Если такое случится, вы, конечно, же можете начать давать показания, чтобы не получить серьезное увечье, но запомните, то что вы скажете, может посадить вас на долгий срок, даже если это неправда. Не надейтесь на отказ от показаний в суде — трудно опровергнуть, если вы что-то сказали и тем более подписали.

В отделении милиции сотрудники полагаются на человеческую наивность. Если вы понимаете, в чем дело, есть шанс, что вас оставят в покое.

На этих примерах мы пытались показать, как вас “разводят” на разговор. Вот почему вы должны знать, что делать в случае вашего задержания. Перебранка в ментовке неприятна, но если действовать грамотно, вы можете легко отделаться. Главное — вы должны быть подготовлены. У нас много опыта общения с милицией, и вот наши основные советы:

1. *Сохраняйте спокойствие и невозмутимость, если вас арестовали. (Помните, вы на их территории).*

2. *Найдите адвоката.*

3. *Никогда не давайте показаний.*

4. *Не вступайте в разговоры с ментами.*

5. *Если они вас избивали, немедленно покажитесь доктору после освобождения. Получите письменное освидетельствование всех побоев и следов. Постарайтесь запомнить имена, звания и должности всех сотрудников органов, которые “занимались” вами.*

Ничего не сказав в отделении милиции, вы сможете проверить доказательство и составить себе алиби, ваше видение событий. Так вы можете спастись.

Помните:

Допрос — проигрышная ситуация. Вы не обязаны говорить. Если менты хотят вас допросить, это значит, что у вас выигрышное положение. Единственный способ сохранить такое положение — отказываться вступать в любые разговоры и отвечать на любые вопросы: “Отказываюсь от дачи показаний”.

Что я могу сделать, если мои друзья или члены семьи арестованы?

Если кто-то из ваших близких арестован, чтобы помочь им, вы можете:

1. *Как только вы поняли, что они арестованы, сразу же звоните в соответствующее отделение милиции, спрашивайте, были ли они арестованы и по каким обвинениям.*

2. *Найдите хорошего адвоката.*

3. *Уберите из дома арестованного все, что может показаться интересным милиции: записки, адресные книги, компьютер, фотоаппарат, флэшки, жесткие диски и любые другие электронные носители информации и т.п. на случай, если милиция наярнет с обыском.*

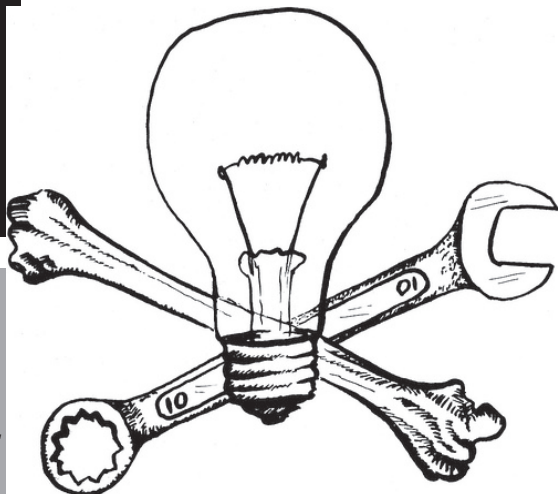
4. *Принесите в отделение милиции еду, умывальные принадлежности и т.п. для вашего арестованного друга, НО НЕ входите на территорию отделения, чтобы справиться о задержанном, если вы сами подвержены риску ареста. Также милиция при оказании давления снаружи охотнее освобождает задержанных. А ваша солидарность поддерживает задержанных в хорошем настроении.*

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ⁹

Культура безопасности – это совокупность привычек, разделяемых сообществом, участники которого, возможно, занимаются нелегальной деятельностью. Эти привычки снижают риск, связанный с этой деятельностью.

Поддержание культуры безопасности избавляет от необходимости снова и снова заморачиваться выработкой мер безопасности и каждый раз с нуля, а также помогает избежать паранойи и паники в стрессовой ситуации — да что там говорить, это может спасти вас от тюрьмы, в конце концов. Отличие прописанных правил от культуры состоит в том, что последняя бессознательна, инстинктивна и, таким образом, не требует приложения особых усилий. Как только максимально возможно безопасное поведение станет привычным для каждого в вашем кругу, вам потребуется гораздо меньше времени и сил в утверждении его необходимости, вам не придется испытывать последствия его отсутствия и вы не будете беспокоиться о том, насколько серьезна угроза, так как будете уверены, что уже делается все воз-

9 Перевод статьи “Культура безопасности” из книги американского анархо-коллектива “CrimethInc.” “Рецепты для катастрофы. Поваренная книга анархиста” (Recipes for Disaster. An Anarchist Cookbook. Olympia: CrimethInc. Workers’ Collective, 2004), оригинал можете найти на: http://shiftshapers.gnn.tv/blogs/10549/Security_Culture; скачать книгу полностью: <http://la.indymedia.org/news/2007/03/194449.php>

можное для обеспечения безопасности. Если вы привыкли не разглашать секретную информацию о себе, вы можете сотрудничать с незнакомыми людьми, не терзая себя вопросом, являются ли они стукачами. Если все знают, о чем не стоит говорить по телефону, — вашим врагам, сколько бы они жучков не поставили, все равно не удастся узнать ничего существенного.

.....
“Но что делать со шпионами и доносчиками?” — как-то спросил Агент CrimethInc. во время своей первой большой мобилизации. “Они у нас картошку чистить будут”, — прозвучал привычный ответ опытного активиста.
.....

Основной принцип любой культуры безопасности (пункт, который мы никогда не устанем подчеркивать!) — не посвящать человека в какую-либо засекреченную информацию, которую ему не нужно знать.

Чем больше людей обладает информацией, которая может подвергнуть риску людей или проекты (будь то инфор-

мация, идентифицирующая человека, совершившего нелегальное действие, местонахождение секретного собрания или намеченный план действий), тем выше шанс того, что она попадет не в те руки. Передача информации людям, которым не обязательно ее знать, оказывает им плохую услугу: из-за этого они оказываются в неудобной ситуации, когда одной маленькой ошибкой они могут разрушить жизни других людей. Например, если их будут допрашивать, им будет что скрывать вместо того, чтобы честно заявить о своем неведении.

Не спрашивайте, не рассказывайте. Не просите других делиться конфиденциальной информацией, которую вам непринципиально знать. Не хвастайтесь совершенными вами или кем-либо другим нелегальными поступками, не сообщайте подробности грядущих действий и даже не упоминайте, что кто-то был заинтересован в участии в подобном. Будьте внимательны в разговоре, не допускайте ни малейшего необдуманного намека.

.....

Если вы обнаружите группу близости (affinity group), которой вы можете доверять, в другом районе, вы можете устроить "программу обмена": с их помощью вы можете заниматься рискованной деятельностью на их территории, не позволяя властям понять, кто это, и наоборот.

.....

Вы всегда можете сказать "нет" кому угодно и когда угодно.

Не отвечайте на вопросы, на которые не хотите отвечать — не только ментам, но также другим активистам и

даже близким друзьям: если вам кажется небезопасным раскрытие какой-то информации, не делайте этого. Спокойно принимайте аналогичное поведение товарищей: если они не желают чем-то делиться или просят не участвовать в собрании или проекте, не принимайте это на свой счет — это делается для общего блага. По этой же причине не участвуйте в проектах, которые вам не по душе, не сотрудничайте с неприятными вам людьми, не игнорируйте инстинктивное чувство ни при каких обстоятельствах, чтобы, если что-то пойдет не так и вы попадете в беду, вам не пришлось сожалеть о содеянном. Вы сами ответственны за то, чтобы не позволить никому (и даже себе!) дать уговорить себя подвергнуться риску, к которому вы не готовы.

Никогда не предавайте своих друзей своим врагам.

Если вас поймали, никогда и ни за что не выдавайте никакую информацию, которая может подвергнуть опасности других. Некоторые рекомендуют дать клятву всем участникам группы прямого действия: в этом случае, при наихудшем развитии событий, когда под давлением трудно отличить разглашение не столь опасных деталей от предательства, каждый будет знать какие у него обязательства перед остальными.

Не помогайте врагам обнаружить, что у вас на уме.

Не будьте слишком предсказуемыми в методах действия, выборе мишеней, а также во времени и месте, где планируете встречаться для обсуждений. Не будьте слишком на виду в публичных аспектах той борьбы, в которой

вы осуществляете наиболее серьезные акции прямого действия: держите свое имя подальше от активистских рассылок и СМИ, возможно, стоит полностью избегать ассоциации с “легально действующими” организациями и кампаниями. Если вы занимаетесь серьезной нелегальной деятельностью с несколькими товарищами, возможно, вам стоит сократить общение на людях, если не избегать друг друга вообще. Федералы могут без особых проблем получить доступ к списку номеров, набранных на вашем телефоне, и использовать их для выявления связей между людьми; аналогично обстоит дело и с электронной почтой, а так же со списком литературы, читаемой вами в библиотеках. Не оставляйте следов: использование кредитных карт, мобильных телефонов дает возможность отследить ваше передвижение, покупки, контакты. Всегда имейте при себе легенду для прикрытия, подтверждающуюся некоторыми фактами. Внимательно относитесь к мусору, он тоже может рассказать о вас многое — в нем копаются далеко не одни маргиналы! Не бросайте в общую кучу со всем важные документы или уличающую ксерокопию — держите все эти материалы в одном месте, чтобы случайно ничего не забыть, и уничтожайте как можно скорей. Чем меньше каких-либо бумаг, тем лучше, привыкайте полагаться на свою память. Убедитесь, что не осталось отпечатков написанного где-либо, будь то доски или стопки бумаги. Имейте в виду, что каждое использование компьютера также оставляет следы.

.....

Вы можете отсылать компьютеру касательно нелегальных акций с ящика электронной почты однократного использования, используя компьютер в обществен-

ном месте. Но примите во внимание — в некоторых библиотеках ведется видеонаблюдение, которое мониторит тех, кто входит и выходит. Также вы можете обратиться к помощи надежного представителя, не имеющего к вам прямого отношения, который распространит его для вас.

.....

Не стоит публично высказывать идеи акций прямого действия, которые вы сами, возможно, когда-нибудь решите осуществить.

Не торопитесь предлагать идею акции до того момента, пока не соберете группу людей, которые, по вашему мнению, будут заинтересованы в ее осуществлении; исключением может быть близкий товарищ, с которым вы заранее обсудили все детали — в безопасном месте вне дома и вдали от смешанной компании, конечно. Не предлагайте идею, пока не наступит подходящее время для ее осуществления, чтобы сократить время уязвимости, когда идея уже высказана, но не стала действием. Приглашайте только тех, в ком вы уверены, что они захотят принять участие — любой из приглашенных, кто в итоге решит не принимать участие — лишний риск, и это может быть вдвойне проблематичным, если окажется, что эти люди посчитают предложенную деятельность смехотворно глупой или аморальной. Приглашайте только людей, способных хранить тайны, — это является абсолютно необходимым вне зависимости от того, решат ли они принимать участие в этом или нет.

Создайте систему условных знаков для общения с товарищами в общественных местах.

Очень важно выработать секретный метод общения с надежными друзьями касательно безопасности и степени поддержки, находясь на людях, например, на собрании, где проходит обсуждение возможных акций прямого действия. Зная, как понять отношение друг друга к ситуации или человеку, так чтобы остальные остались в неведении, что вы обмениваетесь информацией, вы избавите себя от головной боли пытаться отгадать мысли друг друга. Кроме того, вам не придется странно вести себя, когда вы не можете просто отвести друга в сторону посреди собрания, чтобы обменяться мнениями. К тому времени, когда наберется достаточно людей для предложения плана акции, вы и ваши друзья должны четко обозначить друг другу свои намерения, готовность пойти на риск, степень обязательств, чтобы сэкономить время и избежать ненужной неясности. Если вы еще ни разу не участвовали в собрании по планированию акции прямого действия, вы будете удивлены, насколько это может быть сложно и запутано, даже если каждый придет хорошо подготовленным.

Если вы собираетесь анонимно отослать бумажный экземпляр пресс-релиза в СМИ, распечатайте его в библиотеке или интернет-кафе, берите распечатку и конверт в резиновых перчатках; если вам нужно скрыть использование таких перчаток, то вы можете надеть свитер с длинными рукавами ниже ладони — выглядит это

будет скорее симпатично, чем угрожающе.

Разработайте методы установления уровня безопасности группы или ситуации.

Быстрой процедурой, с которой можно начать большое собрание, где не все друг друга знают, может послужить игра “ручаюсь за”: когда человек представляется, те, кто может за него поручиться, поднимают руки. Надо надеяться, что каждый как-либо связан с другими, иначе, по крайней мере, все поймут, как обстоят дела. Активист, понимающий важность безопасности, не почувствует себя оскорбленным в ситуации, когда не окажется ни одного человека, кто мог бы за него поручиться, и его попросят уйти.

Место встреч – один из наиболее важных факторов безопасности.

Вам не нужно место, которое может быть под наблюдением (никаких частных квартир), место, где вы можете быть замечены все вместе (например, парк, рядом с которым вы планируете акцию на следующий день), место, где наблюдаются входящие и выходящие люди или куда может неожиданно прийти кто-то посторонний. Назначьте человека, следящего за обстановкой, закройте дверь, как только начнется собрание, наблюдайте, не происходит ли чего-либо подозрительного.

Никогда не забуду, как на захватывающей встрече с мегавысоким уровнем безопасности в подвале университета, как только мы закрылись, соседнюю

комнату заполонила толпа либеральных студентов, собравшихся для просмотра слайд-шоу, и организаторам завтрашнего черного блока пришлось в смущении пробираться сквозь них! Упс! Небольшие группы людей могут обсуждать вопросы по ходу прогулки. Большему количеству людей лучше встречаться в спокойных местах вне стен домов — отправившись в поход или длительную пешую прогулку, если на это есть время, или в какой-то комнате общественного здания, например, в пустом учебном классе. Наилучший вариант: ваш хороший знакомый — владелец какого-нибудь кафе неподалеку от города — не имеет понятия о вашем участии в прямом действии и не против предоставить вам какое-нибудь помещение для частной “вечеринки” однажды вечером, не задавая лишних вопросов.

.....
Можно использовать фотоаппарат полароид для съемки фотографий, которые потом не понесешь в фотолабораторию.
.....

Отдавайте себе отчет о степени надежности людей, находящихся вокруг вас, особенно тех, с кем вы, возможно, будете сотрудничать в подпольной деятельности.

Важно то, как долго вы знаете людей, насколько активно они принимают участие в жизни вашего сообщества, можно ли последить их жизнь вне его, чем еще вы занимались вместе с ними. Друзья, с которыми вы вместе выросли, если кто-то из них еще присутствует в вашей жизни, — наилучшие товарищи для прямого действия, поскольку вы

знаете их сильные и слабые стороны и то, как они выносят давление, кроме того, вы точно знаете, что они те, за кого себя выдают. Доверяйте вашу безопасность и безопасность ваших проектов только уравновешенным людям, которые имеют те же приоритеты и обязательства и которым нечего доказывать. В долговременной перспективе попробуйте построить сообщество людей, базирующееся на старой дружбе и опыте совместных действий, с национальными и международными связями с другими подобными сообществами.

Не мучьте себя подозрениями, информатор ли перед вами или нет, это не будет иметь значения, если вы принимаете эффективные меры безопасности.

Не тратьте силы понапрасну и не впадайте в паранойю, подозревая всех,

кого вы встретите. Если секретная информация не известна никому, кроме тех, кого она непосредственно касается, если вы сотрудничаете только с надежными и опытными друзьями, в ком вы действительно уверены, и никогда не распространяетесь о том, чем вы занимаетесь, шпики и стукачи будут не в состоянии собрать улики, которые могут быть использованы против вас. При наличии хорошей культуры безопасности не принципиально, действуют ли эти вредители в вашем сообществе. Не столь важна связь человека с “органами”, сколько то, подвергает ли он риску безопасность в целом. Если кого-то воспринимают как ненадежного (в обоих смыслах), то ни в коем случае нельзя оказаться в ситуации, когда безопасность кого-либо будет зависеть от него.

.....
Из фотографий снятых на полароид, можно создать оригинальные цветные иллюстрации, царапая и надавливая на фото в момент проявки — тогда получаютя невообразимые тона и узоры.
.....

Узнайте и примите отношение к безопасности каждого, с кем взаимодействуете, и уважайте разницу в подходах.

Прежде чем сотрудничать с кем-то, убедитесь, что им комфортно общаться с вами. Даже если вы с этими людьми не сотрудничаете в данный момент, вам не захочется, чтобы они чувствовали себя неуютно или пренебрегли опасностью, которую они понимают лучше, чем вы. Когда это касается планирования акции прямого действия, игнорирование мер безопасности, принятых в данном

сообществе, может не только развеять возможность вашего сотрудничества с другими людьми в этом проекте, но и поставить под вопрос сам проект. Например, если вы предложили идею, которую планировали реализовать другие участники собрания, в обстановке, которую они считают небезопасной, им, возможно, придется отказаться от плана, поскольку он теперь будет ассоциироваться с ними. Попросите людей объяснить вам свое понимание безопасности, прежде чем вы начнете даже обсуждение акции прямого действия.

.....
В городских условиях не всегда удобно избавляться от бумаг, жигая их, вместо этого вы можете просто их сжечь, потом смешать до однородной массы и смыть в унитаз мельчайшими кусочками.
.....

Когда речь идет о безопасности, обязательно объясните другим ваши требования.

Приняв ожидания и требования к культуре безопасности других, вы должны облегчить возможность для других принять ваши. В начале любых отношений, в которых ваша политическая деятельность может стать предметом обсуждений, сразу сделайте особый акцент на том, что некоторые детали вашей жизни вам нужно оставить при себе. Так вы сэкономите свои нервные клетки в ситуации, которая уже является стрессовой сама по себе. Последнее, чего бы хотелось по возвращении с секретной акции, которая пошла наперекосяк, — так это ссоры с любимым человеком: “Если бы ты мне доверял/а, ты бы обязательно рассказал/а мне об этом! Как я могу быть уверен/а, что ты в это время не спишь с... !” Это не во-

прос доверия; секретная информация — это не награда, которую можно заработать или заслужить.

Будьте внимательны к другим людям.

Объясните окружающим вас людям, какой опасности вы можете их подвергнуть вашим присутствием* или запланированными действиями, по крайней мере, насколько это возможно без нарушения других принципов культуры безопасности. Дайте им знать до допустимых пределов, какой риск вы можете взять на себя сами: например, можете ли вы позволить себе быть арестованным (может, вы находитесь в розыске или вы “нелегальный” иммигрант и т.д.), какие обязательства лежат на вас, которые вы не сможете выполнять, если вас арестуют, есть ли у вас аллергия на что-либо и т.п. Не подвергайте других опасности своими решениями, особенно если потом не сможете оказать реальную поддержку, если их случайно арестуют и предъявят обвинения вследствие вашего поведения. Если кто-то вывесит баннер по соседству с местом, где вы только что что-то подожгли, милиция может обвинить их в поджоге; даже если обвинения не будут доказаны, вы не хотите подвергнуть их риску или случайно заблокировать их маршруты отступления. Если вы инициируете демонстрацию, которая идет на прорыв официально разрешенной зоны, постарайтесь находиться между ментами и теми, кто присоединился, но, возможно, не осознает риска, сопряженного с этим. Если ваше спонтанное шествие перерастает в акцию порчи имущества, удостоверьтесь, что те, кто к этому не подготовлен, не стояли рядом в замешательстве, когда появятся менты. Какими бы рискованным ни были ваши проекты, удостоверьтесь, что вы грамотно подго-

товились к ним, чтобы никому не пришлось подвергаться непредвиденному риску, чтобы помочь вам, если вы допустите ошибки.

.....

**Забавным примером, подтверждающим важность культуры безопасности, стал случай, когда агенты CrimethInc. Пол Ф. Мол и Ник Ф. Адамс решили вернуться в Соединенные Штаты после того, как скрывались на Аляске. Они беспокоились о том, как на таможне в Канадеотреагируют на внушительное количество патронов, поэтому они вложили их в дверцы машины, за панель. На пути к границе они подобрали голосующего на дороге неприглядного, приятно-го с виду парня, как им показалось — совсем не опасного. На таможне, оба агента задержали дыхание, когда таможенник взял у них документы, и вздохнули с облегчением, когда их вернули. Они думали, что все прошло без сучка и задоринки, пока таможенник проверял документы автостопщика. Внезапно*

вооруженные служащие окружили их машину и “попросили” их выйти под прицелом. Автостопщик оказался активистом “Гринписа”, побывавшим в тюрьмах 30 государств. Они обыскали машину, сняли панели с дверей машины, откуда на тротуар посыпались патроны. Наши герои проторчали четыре часа в комнатах допроса, где голосил канадский полицейский: “Где оружие? Мы знаем, что оно у вас есть – скажите, где оно!” И практически не обращал внимания на их протесты: “Это какое-то недо-разумение – у нас нет оружия. Мы дизайнеры – пули нужны нам для нашего проекта. Честно-честно, офицер!”

Культура безопасности – своего рода этикет, способ избежать лишнего недопонимания и потенциально пагубных конфликтов.

Забота о безопасности никогда не должна быть предлогом, чтобы вести себя по отношению к другим таким образом, чтобы они чувствовали себя исключенными или ниже стоящими (хотя потребуются умение, чтобы избежать этого). Так же никто не должен считать, что у него есть “право” быть включенным во что-то, что другие предпочли бы оставить при себе. Тех, кто попирает культуру безопасности своих сообществ, не стоит критиковать слишком резко в первый раз – вопрос не в том, чтобы врубаться в активистские “правила приличия”, чтобы стать “своим”, а чтобы установить групповые ожидания культуры безопасности и мягко помочь людям понять их важность. Кроме того, люди меньше склонны принимать

конструктивную критику, когда они поставлены в оборонительную позицию. Тем не менее, таких людей надо всегда предупреждать и немедленно, когда их действия подвергают риску других, и сообщать им, какие последствия их ожидают, если они будут продолжать в том же духе. Тех, кто не может это усвоить, следует тактично, но стопроцентно исключить из любых “нелегальных” действий и ситуаций.

Храните телефонные номера закодированными, тогда властям при конфискации вашего телефона не доведется узнать ничего интересного ни в телефонной книге, ни на клочке бумаги в вашем кармане: просто поменяйте местами несколько цифр.

Культура безопасности – не институализированная паранойя, а средство избежать нездоровой паранойи, заранее минимизировав риски.

Расход энергии на чрезмерное беспокойство (больше, чем необходимо для уменьшения опасности) о том, находитесь ли вы под наблюдением и насколько это серьезно, приводит к обратным результатам, а постоянное принятие мер предосторожности и сомнения в надежности потенциальных товарищей являются чрезвычайно изнурительными. Культура безопасности не должна напрягать, наоборот, при ней люди должны чувствовать себя более расслабленно и уверенно, чем без нее. В то же время, равно контрпродуктивно обвинять кого-то, кто придерживается более жестких мер безопасности, чем

ваши, в паранойе — помните, наши враги всегда на чеку.

.....
Если вам предстоит действовать под покровом темноты, можно “выключить” труднодоступные фонарис помощью пневматики или рогатки.
.....

Не позволяйте подозрениям быть использованными против вас.

Если недруги не могут узнать ваши секреты, они попробуют настроить вас с товарищами друг против друга. Тайные агенты могут распространять слухи или предъявлять обвинения, чтобы спровоцировать разногласия, недоверие и чувство обиды как внутри одной груп-

пы, так и между группами. В исключительных случаях они могут подделывать письма или предпринимать нечто подобное для того, чтобы подставить активистов. Мейнстримовые СМИ также могут принять участие в этом, сообщая, что в какой-то группе есть стукач, хотя его там нет; представляя в ложном свете политические убеждения или историю активиста или группы, чтобы заставить отвернуться возможных союзников; или постоянно делать акцент на том, что между двумя ветвями движения серьезный конфликт до той поры, пока это действительно не приведет к взаимному недоверию. Грамотная культура безопасности, помогая вырабатывать необходимо высокий уровень доверия и надежности, должна свести к нулю возможность таких провокаций на личном уровне; что же касается отношений между сторонниками разных тактик и организаций разного рода, помните о важности солидарности и разнообразии тактик, а также доверяйте тому, что делают другие, даже если сообщения СМИ рассказывают другое. Не принимайте слухи или репортажи как реальный факт: каждый раз прослеживайте источник информации, дипломатичность при этом приветствуется.

Не дайте запугать себя блефом.

Внимание милиции, в том числе наблюдение, не всегда показатель того, что они знают о ваших планах или деятельности что-то особенное: часто это показатель того, что они ничего не знают и просто таким образом стараются запугать вас, чтобы вы прекратили свою деятельность. Выработайте инстинкт, который поможет вам определять, действительно ли они вас раскусили или

просто пытаются нервировать вас, чтобы вы сами сделали за них всю работу.

Всегда будьте готовы к возможности того, что за вами следят, но имейте в виду, что быть под наблюдением совсем не означает, что ваша борьба эффективна.

Даже если все, что вы делаете абсолютно законно, все равно вы можете привлечь внимание разведывательных организаций и стать объектом их преследований, если они посчитают, что вы доставляете неудобство их хозяевам. В некотором смысле это может быть и к лучшему: чем больше им нужно отслеживать, тем больше распыляется их энергия, и тем труднее для них вычислять и нейтрализовывать подрывную деятельность. В то же время не впадайте в панику, обнаружив, что представляете объект для слежки, и не думайте, что чем больше власти уделяют вам внимания, тем большую опасность вы представляете для них — они не так сообразительны. В основном их внимание привлекают организации сопротивления, чьи подходы наиболее напоминают их собственные; используйте это как преимущество. Лучшие тактики позволяют достичь людей, сделать свое заявление, привести в действие систему рычагов, и в то же время не проявиться на радаре власти имущих, по крайней мере, до того, пока не станет слишком поздно. При наилучшем варианте развития событий, ваша деятельность будет известна всем, кроме властей.

.....
Можно использовать лимонный сок или мочу в качестве невидимых чернил — нагрейте лист и текст проявится!
.....

Культура безопасности включает в себя принцип молчания, а не принцип безмолвия.

Истории наших бесстрашных подвигов в борьбе с капитализмом должны быть каким-то образом рассказаны, чтобы каждый узнал о том, что сопротивление — это реальная возможность, и что оно совершается реальными людьми. Открытое подстрекательство к восстанию должно звучать, чтобы потенциальные революционеры могли найти друг друга и революционные чувства, наполняющие сердца каждого из них, вышли на поверхность. Хорошая культура безопасности должна обеспечивать достаточно секретности, чтобы позволять вести подпольную деятельность людям, не подвергая их опасности, но, при этом, обеспечивать как можно больше видимости радикальным перспективам. Большинство традиций безопасности в сегодняшней активистской среде исходит из последних двадцати лет деятельности по защите прав животных и освобождения земли; сами по себе они прекрасно подходят для потребностей маленьких групп, совершающих отдельные незаконные действия, но не всегда уместны для более “легальных” кампаний, имеющих своей целью вдохновение всеобщего неповиновения/восстания. В некоторых случаях имеет смысл открыто нарушать закон, чтобы спровоцировать участие широких масс, что, в таком случае, может обеспечить безопасность количеством.

Необходимо найти разумное соотношение между потребностью не быть обнаруженным врагами и потребностью быть доступным и понятным для потенциальных друзей.

В конечном счете, скрытность сама по себе не сможет кого-либо уберечь — рано или поздно они найдут нас, и если никто другой не будет понимать, что мы делаем и почему, власти смогут безнаказанно от нас избавиться. В таком случае, только сила информированной и сочувствующей (и надеемся, аналогично настроенной) общественности сможет нам помочь. Всегда должны существовать пути в сообщества, которые занимаются акциями прямого действия, чтобы все больше людей могло присоединиться. Те, кто занимается реально серьезной деятельностью, конечно же, не должны выносить это за пределы своей группы, но в каждом сообществе должны быть также один-два человека, которые открыто пропагандируют прямое действие, и те, кто мог бы заслуживающих доверия новичков осторожно связать с другими.

.....

Вы можете самостоятельно заламинировать что-либо, обрезав раскаленным лезвием края у двух листов пластика.

.....

Планируя акцию, начните с определения подходящего уровня безопасности и далее продолжайте действовать в соответствии с ним.

Учиться оценивать риск, создаваемый деятельностью или ситуаций, и

понимать, что в данном случае делать, — это не только решающий компонент, помогающий вам уберечься от тюрьмы, это также помогает понять, о чем вам не стоит беспокоиться, и, таким образом, вы не будете тратить понапрасну силы на неоправданные обременительные меры безопасности.

Помните, что у конкретной акции может быть несколько аспектов, которые требуют различных уровней безопасности; убедитесь, что четко провели эти различия. Вот пример возможной системы градации уровней безопасности:

1. *Об акции знают только непосредственные участники.*

2. *Об акции знают также надежные люди, способные оказать поддержку, эти люди выбирают общим решением группы.*

3. *Для группы допустимо пригласить к участию тех, кто, возможно, откажется, а значит, возможно, кто-то вне группы будет знать об акции, но предполагается, что данный человек будет держать язык за зубами.*

4. *Группа не устанавливает какого-то строгого списка приглашенных; участники могут приглашать других и рекомендуют приглашенным поступать так же, в то же время, подчеркивая, что информация о самой акции должна оставаться в кругах тех, кто умеет хранить секреты.*

5. *“Слухи” об акции можно распространять повсюду в сообществе, но личности тех, кто находится в центре организации, держатся в тайне.*

6. *Акция объявляется открыто,*

но с некоторой степенью осмотрительности, чтобы не взбаламутить сонные власти.

7. Акция объявляется совершенно открыто и легальна во всех смыслах.

Приведем несколько примеров. Уровень безопасности #1 потребуется для группы, планирующей взрыв дилерского агентства внедорожников, в то время как уровень безопасности #2 приемлем для планирующих более мелкие акции порчи имущества, как например, граффити-акции. Уровни #3 и #4 пригодятся для организации собрания по планированию действий “черного блока” на большой демонстрации, в зависимости от соотношения риска и необходимости большого количества участников. Уровень #5 подходит для такого проекта, как “угон” рок-концерта: все слышат зара-

нее о том, что представление Ани Дифранко закончится “спонтанным” антивоенным шествием, чтобы люди смогли соответственно подготовиться, но никто не знает, чья это идея и, следовательно, никто не может быть привлечен как организатор. Уровень #6 хорош для анонсирования велоезда “Критической массы”: флаера наматываются на руль каждого встречного велосипеда, но в СМИ информация не отсылается, и поэтому менты вряд ли придут к самому началу, когда “масса” еще очень уязвима. Уровень #7 подходит для проведения санкционированного антивоенного шествия или съемок для независимого канала, если вы не настолько запараноились, что хотите держать в секрете даже проекты, ориентированные на свое сообщество.

Столь же важно выбирать способ общения в соответствии с требуемым

уровнем безопасности. Вот примеры разных уровней коммуникационной безопасности в соответствии с системой, обозначенной выше:

1. *Общение по поводу планируемой акции осуществляется исключительно при личной встрече, вне мест проживания участников, в местах, где полностью исключена возможность наблюдения за вами (например, лучше поехать куда-то за город с палатками для обсуждения планов); никаких обсуждений акции, кроме случаев, когда это совершенно необходимо.*

2. *Вне собрания группы, участники будущей акции могут обсуждать ее в обстановке, исключающей наблюдение.*

3. *Допускается обсуждение в домах, которые наверняка не находятся под наблюдением.*

4. *Приемлемо общение через шифрованные письма и разговоры по нейтральным телефонным линиям.*

5. *Люди могут обсуждать саму акцию по телефону, электронной почте и т.п., при условии того, что они достаточно осторожны, чтобы не выдать конкретные детали — кто, что, когда и где.*

6. *Телефоны, электронная почта — без проблем. Рассылки, флаера в общественных местах, объявления в газетах и тому подобное могут быть приемлемы или нет в зависимости от конкретной акции.*

7. *Приветствуется распространение информации об акции всеми возможными способами.*

Если вы не допускаете утечек риско-

ванной информации и следуете соответствующим мерам безопасности в любом проекте, в котором принимаете участие, вы значительно продвинетесь на пути к осуществлению того, что давний агент CrimethInc. Эбби Хоффман описал как первейшую обязанность революционера — не быть пойманным. Всего самого наилучшего в ваших рискованных предпрятиях! И помните: все это вы услышали не от нас...

ИСПУГАЛИСЬ «ЗЕЛЕНых»?

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ «ЗЕЛеной УГРОЗЫ»¹⁰

Для тех, кто не в курсе...

В конце 2005 года ФБР начало новую фазу наступления на движения освобождения Земли и животных. Наступление началось с арестов ряда действующих и бывших активистов и предъявления им обвинений. Эта атака, названная операция «Встречный огонь», была призвана осудить виновных в ряде нераскрытых поджогов, совершенных ELF (Фронтом освобождения Земли) за прошедшие 10 лет. Из тех людей, кого вызвали в суд и кому предъявили обвинения, восемь, в конечном счете, согласились сотрудничать с правительством и предоставили информацию о других активистах в надежде заслужить снисхождение суда: Станислас Мейерхоф, Кевин Таббс, Челси Доун Герлах, Сьюзан Савой, Кэндал Танкерсли, Дженифер Колар, Лэйси Филбаум и Даррен Терстон. Четверо пережили год запугиваний, когда всем казалось, что их, наверняка, посадят на десятилетия, пока им ни удалось прийти к соглашению о признании ответственности за свои акции, при этом, не предоставляя информации о других: Дэниел МакГован, Джонатан Пол, «Ик-

¹⁰ Оригинал статьи: CrimethInc. Ex-Workers' Collective «Green Scared? Preliminary Lessons of the Green Scare» <http://crimethinc.com/texts/recentfeatures/greenscared.php>

сайт» (англ. «Exile», он же Натан Блок) и Сэйди (она же Джоана Зэйчер). В то время как пишется эти строки, идет суд над Брайаной Уотерс, а Джозефу Диби, Джозефине Оуверэйкер, Ребекке Рубин и Джастину Солондзу были предъявлены обвинения, но их не нашли. Еще один обвиняемый, Уильям Роджерс (он же «Авалон»), вскоре после своего ареста трагически ушел из жизни, находясь под стражей, якобы покончив жизнь самоубийством.

За началом операции «Встречный огонь», больше известной как «Зеленая угроза»¹¹, последовало беспреце-

¹¹ «Зеленая угроза» (англ. Green Scare) — правительственная кампания преследований участников радикальных экологических и зоозащитных движений в США в середине 2000-х (главным образом, участников Фронта освобождения животных и Фронта освобождения Земли), получившая название по аналогии с «Красной угрозой». Англ. Red Scare — правительственная кампания репрессий в США по отношению к коммунистам и людям, придерживающимся левых взглядов. Выделяют два основных периода «Красной угрозы»: 1918-1920 гг. — репрессии по отношению к активизировавшему после Октябрьской революции рабочему движению; самый известный эпизод — «рейды Палмера» — массовые полицейские облавы граждан, придерживающихся левых взглядов,

дентное увеличение размаха правительственных репрессий против активистов анархо-экологов. Давний активист освобождения животных Род Коронадо был обвинен в тяжком уголовном преступлении за ответ на вопрос во время своего публичного выступления, с перспективой провести несколько десятков лет в тюрьме. Шесть активистов-зоозащитников из группы SHAC [Stop Huntington Animal Cruelty — «Остановите жестокость над животными в Хантингтоне», кампания против корпорации, проводящей эксперименты над животными «Huntington Life Sciences» — прим. пер.] приговорены к нескольким годам тюрьмы по существу всего лишь за организацию веб-сайта. Освободитель животных Питер Янг, несколько лет скрывавшийся от ФБР, был схвачен, и ему грозит вторичное привлечение к уголовной ответственности за то же преступление.¹²

Тре Эрроу, известный тем, что выжил после падения со 100-футовой высоты, спасаясь от полиции и лесорубов, высеявших его из захваченных деревьев, боролся против решения о своей экстрадиции из Канады в США по обвинению в поджогах. Множество других людей предстало перед Большими жюри¹³, и

организованные министром юстиции Палмером. Второй период политической реакции в США — так называемая эпоха маккартизма (1950-1954 гг.), названная по имени председателя сенатского подкомитета по расследованиям Джозефа Маккарти. — прим. пер. См. подробнее: <http://greenscare.org/>.

12 После публикации данной статьи состоялись суды над Тре Эрроу и Брайаной Уотерс, и они получили длительные тюремные сроки, но от новых обвинений против Питера Янга отказались. — прим. пер.

13 Большие жюри — в США присяжные, решающие вопрос о предании суду и предъявлении официального обвинения. Большие жюри — это органы не судебной власти, а следствия

некоторые получили реальные сроки за отказ сотрудничать. Пожалуй, наиболее зловещий случай — это арест по обвинению в заговоре трех молодых людей, подставленных агентом-provokatorom. Эти трое даже ничего не сделали. Двое из них, Захарий Дженсон и Лоурен Винер, признали свою вину и стали правительственными информаторами; третий, Эрик МакДэвид, получивший опасные для жизни осложнения здоровья вследствие отказа тюремщиков предоставить ему веганскую пищу, некоторое время назад был признан виновным и теперь ожидает вынесения приговора.

Похоже, что эта фаза «Зеленой угрозы» подходит к концу. Большинство из тех, кто был арестован в ходе операции «Встречный огонь», отбывают свои сроки. Первый из обвиняемых дела SHAC освобожден из тюрьмы (отбыв 85% срока). Питер Янг вот уже год как освобожден из-под стражи и сейчас ездит, выступая с лекциями. Суд над Родом Коронадо закончился ничем (присяжные не смогли разрешить противоречия между федеральным законом 18 USC § 842 (p)(2)(A) и первой поправкой к

для сбора доказательств. Особенности Больших жюри в том, что перед ними пункты конституции, которые защищают от дачи показаний против себя и близких, не действуют, перед Большими жюри обязательно отвечать на все вопросы. За отказ от сотрудничества можно попасть в тюрьму на время действия Большого жюри, что на практике означает заранее неопределенные периоды последовательных тюремных сроков по полугоду каждый. — прим. пер.

В теории, задачей Большого жюри является рассмотрение законности и обоснованности обвинений перед судебным разбирательством, но на практике Большое жюри используется для принуждения людей давать показания: представляя личную неприкосновенность касательно особого случая, Большое жюри может принудить его или ее отвечать на вопросы, иначе отправление в тюрьму за неуважение к суду.

конституции США¹⁴). В конечном счете, Роду пришлось признать себя виновным в обмен на небольшой тюремный срок, после того как правительство пригрозило ему новыми обвинениями. Прошло уже несколько месяцев с последнего громкого уголовного процесса против активиста-защитника окружающей среды, хотя агенты федеральной службы продолжают сновать на Среднем Западе. Наступила пора извлечь пользу из уроков прошедших двух лет правительственных репрессий с тем, чтобы следующее поколение активистов было подготовленным, когда оно займет свое место в борьбе в защиту жизни на земле.

Различая мнимые и действительные угрозы

В некоторых анархистских кругах первоначальный размах «Зеленой угрозы» вызвал панику, сравнимую с реакцией на атаки 11 сентября. Конечно же, именно этого и добивалось правительство: отдельной задачей, помимо привлечения к «правосудию» отдельных активистов, было запугать всех, кто считает прямое действие наиболее эффективным средством достижения социальных перемен. Вместо того, чтобы помогать правительству, делая преувеличенные предположения о том, как опасно сегодня быть анархистом, мы должны проанализировать, что эти случаи говорят нам о нынешних возможностях и пределах правительственных репрессий.

Задача этого исследования — не зацита или акцент на какой-то опреде-

14 Первая поправка к Конституции США (ратифицированная 15 декабря 1791 г.) гарантирует гражданские свободы. — прим. пер.

ленной тактике или подходе. Не стоит бездумно восхвалять незаконную деятельность — важно отметить, что даже наиболее упертые в своем нежелании сотрудничать со следствием, выразили сожаление о выборе средств борьбы. Правда, об этом следует помнить в контексте судебного преследования против этих людей.

В то же время федеральное преследование влияет на всех участников сопротивления, а не только на тех, кто участвует в нелегальных акциях прямого действия; «Зеленая угроза» предлагает к изучению случаи из жизненной ситуации, в которой все мы оказались, нравится вам это или нет.

Изучение конкретного случая репрессий: г. Юджин, штат Орегон

Операция «Встречный огонь» стартовала на фоне правительственных расследований, преследований и профилирования предположительных анархистов на северо-востоке тихоокеанского побережья США. В свете этого, не является удивительным тот факт, что Юджин, штат Орегон, стал главным пунктом в операции «Встречный огонь», поскольку вот уже полтора десятилетия регион является очагом инакомыслия и радикализма, хотя репрессии и другие проблемы и сказались на движении в последние годы. Мы не можем предложить точный анализ внутренней динамики анархистского сообщества в Юджине, но можем проследить, как власти проводили репрессии против него.

Полезным ресурсом для данного исследования является статья «Анархистские акции прямого действия: вызов для правоохранительных органов», которая появилась в журнале «Иссле-

им больше информации о деле (посредством вопросов), чем следует из их признательных показаний». В самом деле, вопросы, которые задавал суд присяжных, неоднократно появлялись на страницах журнала «Earth First!», который определенное время редактировался из Юджина. Очень важно поддерживать людей, находящихся под следствием и внимательно следить за усилиями следователей. Некоторые считают, что расследования в рамках операции «Встречный огонь» обрели свою силу именно после того, как поддержка в Орегоне стала затухать.

В том, что касается инфильтрации, в статье «Анархические акции прямого действия» сообщается следующее: «Инфильтрация осложняется совместным образом жизни анархистов как сообщества (они все время на виду и под пристальным наблюдением) и обширными знаниями, демонстрируемыми многими анархистами, на овладение которыми может уйти очень много времени и сил. Был исследован ряд потенциально возможных стратегий инфильтрации, но ни одна не оказалась успешной. Обсуждение подобных методов в открытой печати нежелательно».

Насколько мы знаем, на начальном этапе операция «Встречный огонь» основывалась на стратегии общего мониторинга и внедрения. В то время как следователи использовали все более и более филигранные инструменты и стратегии, по мере того, как расследование набирало ход (например, подсылка к определенным активистам «сотрудничающих свидетелей» с микрофонами под одеждой), начали они с просеивания участников всех контркультурных течений в регионе. Дома активистов и панков, места встреч, например, бары, были поставлены под постоянное на-

блюдение. Употребляющим алкоголь анархистам следует помнить, что алкоголь развязывает язык. Целями внедренных агентов и информаторов были не только наиболее явно действующие анархисты, но и «богемная» часть, обитающая в тех же культурных и социальных сферах. Полиция получила огромное количество информации, несмотря на то, что попытки агентов проникнуть в группы планирования акций прямого действия провалились. Примерно 30000 страниц отчетов по орегонским делам содержат огромное количество слухов и биографической информации по порядочному количеству людей из сообщества Юджина.

Похожая методика профилирования, по всей видимости, использовалась в соседнем Портленде, штат Орегон. Например, в марте 2001 года был проведен широкомасштабный полицейский рейд на домашнюю вечеринку, на которой среди гостей были портлендские панк-рокеры. Гости отфотографировали и расспросили про ELF/ALF. Некоторых арестовали и обвинили в похищении и нападении на офицера — обычная практика полиции, призванная заставить активиста пойти на сделку со следствием о признании вины. Выступления в суде людей, попавших под следствие в результате рейда, были отсняты на пленку офицерами полиции. Позднее было установлено, что они служат в Отделе по борьбе с организованной преступностью. Вследствие этого рейда копы начали систематическое преследование панков на улицах, требуя от них объяснений касаясь того, являются ли панки анархистами или нет.

Оглядываясь назад, создается ощущение, что все эти усилия были направлены вовсе не на запугивание портлендских панков, но на поиск информации по

анархистским и ALF/ELF делам, находящимся в разработке¹⁷. Возможно, это было ошибочным решением в расследовании операции «Встречный огонь», сейчас трудно сказать наверняка. Тем не менее, нам известно, что подходы государства к решению подобных задач на основе модели «широкая сетка» могут быть эффективны в удушении социально сознательных субкультур, даже если и не обнаружено реальных связей с радикальными действиями. К счастью, люди в Портленде, против которых был направлен упомянутый рейд, объединились, стали помогать друг другу, чтобы свести к минимуму нанесенный вред, и воспользовались ситуацией для привлечения общественного внимания к действиям полиции.

Еще одним предметом для предположений является степень участия государства в разжигании конфликтов внутри радикальных кругов Юджина. Это было обычной тактикой времен **COINTELPRO** (Counter Intelligence Program — программа контрразведки)¹⁸,

17 Больше информации об этом случае в Портленде см. статью: Kristian Williams «The Criminalization of Anarchism, Part Two: Guilt by Association, Questionable Confessions and Mandatory Minimums», перепечатанную в его книге «Confrontations: Selected Journalism by Tarantula Publications».

18 Программа операций против «подрывной деятельности» и контрразведывательных операций, осуществлявшаяся ФБР в 1956-1971 гг. Было проведено более 2000 операций, в том числе против Коммунистической партии (1956 г.), Социалистической рабочей партии (1961 г.), «Черных пантер» (1967 г.), «новых левых» (1968 г.). Суть многих операций сводилась к использованию методов, способных внести раскол в ряды указанных организаций. — прим. пер.

Официально контрразведывательная программа ФБР (COINTELPRO) существовала с 1956 по 1971 год, но, возможно, в какой-то

и, скорее всего, она до сих пор используется. Борум и Тилби намекают на это в последней части своего труда, «Стратегии и их применение в правоохранной деятельности»: «Внутренние конфликты — еще один важный источник уязвимости внутри движения. Вопрос многообразия тактик был освещен выше, однако стоит добавить, что движение борется с предположительно недостаточным разделением властью женщин и с недостаточным участием этнических меньшинств. Конфликты, подобные этим, случались тридцать лет назад в левом революционном движении на территории США».

В умах людей, знакомых с радикальными кругами в Юджине, это рисует картины напряженных конфликтов на тему гендера и феминизма внутри сообщества. Нет однозначных свидетельств того, что правительственные оперативники были вовлечены в эскалацию этих споров, поэтому не стоит делать поспешных выводов; подобные умозрительные построения только по-

форме продолжается и по сей день. Имея своей целью «разоблачать, подрывать, запутывать, дискредитировать или другими способами нейтрализовать» деятельность групп вроде «Партии Черных Пантер», программа использовала огромное разнообразие грязных приемов. Они обыскивали дома и офисы, выкрадывали документы без каких-либо ордеров; они распространяли слухи, чтобы спровоцировать недоверие или даже насилие между разными организациями или их частями; они пытались запугать лидеров групп через суды или даже фабрикуя обвинения в преступлениях, которых те никогда не совершали; они засылали агентов и провокаторов в среду своих мишеней; они, по сути, вели психологическую войну и использовали вопиющее насилие. Программа была, в конечном счете, разоблачена, когда радикалы вломились в офис ФБР и захватили документы, имеющие отношение к секретной программе, и распространили их через различные источники под именем «Комиссия граждан по расследованию ФБР».

могают государству в распространении паранойи. Тем не менее, правоохранные структуры местного и федерального уровня, безусловно, знали об уязвимостях в Юджине, проявляющихся, когда реальная полемика превращается в групповое мышление и фракционизм. Тилби и его помощники, должно быть, использовали эти сведения при разработке стратегий противодействия анархистам. К тому времени, когда Большие жюри [присяжные, решающие вопрос о предании суду — прим. пер.] начали свою работу по делам из Юджина, многие из тех, кто мог бы объединиться для отпора репрессиям, уже не разговаривали друг с другом. Хотя это и не оправдывает недостаток единства, продемонстрированный теми, кто решил сотрудничать с судами, данный факт важен как описание контекста, в котором не удалось создать эффективного сопротивления судам.

Борум и Тилби заканчивают свою статью призывом к следователям проявлять «терпение и усердие» — действительно, эти добродетели сполна проявились в операции «Встречный огонь». Не стоит рассматривать это как поддержку

представлений «От ФБР не уйти». Расследование кишмя кишело ошибками и неверными решениями; дела по огромным количествам акций так и не будут переданы в суд, так как властям не повезло со временем и не обнаружилось желающих сотрудничать. В то же время следует понимать, что репрессии, как и сопротивление репрессиям, являются долгосрочными проектами, тянущимися в течение лет, даже десятилетий.

Некоторые считают, что одной из значительных зацепок в операции «Встречный огонь» оказался наивный запрос полицейских отчетов в полицейском отделении Юджина. Согласно этой интерпретации, из этого запроса полиция сделала вывод о том, что им следует уделить внимание некоему Якобу Фергюсону; позже Фергюсон стал главным информатором по этим делам. Несколько реже упоминается, что Фергюсон был обвинен полицией в поджоге, которого не совершал! В случае с Фергюсоном, произошло нечто маловероятное и, в конечном счете, власти поняли, что ошиблись. Позже, когда агенты произвели первые аресты и предъявили обвиняемым судам присяжных заседателей 7 декабря 2005 года, двое из обвиняемых были ошибочно признаны принимавшими участие в разрушениях. В конце концов, обвинения были сняты, так как власти добились сотрудничества большего числа информаторов и предприняли шаги для арестов Иксайла и Сэйди.

Расследование не было столь уж непрерывным и динамичным, как хочет представить это правительство, хотя следствие набирало силу по мере того, как одни «втягивали в дело» других. Власти провели годы, топчась на месте, в их действиях проявлялась неуверенность даже тогда, когда расследование

уже шло полным ходом — все равно они оставались осторожными и контролировали все свои действия. Радикальное движение подобной сплоченностью не отличалось.

Окинем взглядом радикальную деятельность в Юджине за прошедшее десятилетие. Антикапиталистический бунт 18 июня 1999 года в Юджине вызвал ликование части анархистов, хотя в результате этих событий один из участников провел несколько лет в тюрьме. Участники «Дня действия 18 июня» оказывали сопротивление [полиции] и разбегали ряд символов унижения в городе, к чему копы оказались абсолютно не готовы. Уличные бои в Сиэтле в том же году во время саммита ВТО только усилили чувство, будто весь мир готов подняться на борьбу. Большинство активистов из анархического движения Юджина никогда не переживали ничего подобного. Несмотря на жалкие требования и мутный анализ большей части официального «анти-глобалистского» движения, в воздухе витало чувство, что глубокие изменения возможны, что за них можно бороться и их можно отстоять. Быть анархистом тогда казалось самым крутым, что только можно было себе представить, это восприятие только усиливалось последовавшим вниманием СМИ. В то время ELF осуществляли поджоги во всем регионе.

Последовала реакция. В июне 2001 года «Free» получил первоначальный срок в 22 года и 8 месяцев. В следующем месяце на улицах Генуи во время протестов против саммита «большой восьмерки» был убит Карло Джулиани. Хоть обе эти трагедии являлись наглядной иллюстрацией риска противостояния капиталистической системе, приговор «Free» особенно сильно ударил по сообществу в Юджине. Атмосфера

изменилась. Люди стали уходить из движения, «кустаривать свою жизнь» — не обязательно предавая свои ранние убеждения, но смещая акцент, изменяя приоритеты. Этот процесс усилился после 11 сентября, когда повсюду появились американские флаги. Деятельность анархистов не прекратилась, но последовал период относительной дезориентации. Вторжение в Ирак полтора года спустя дало еще одну возможность для мобилизации радикальных сил, но к этому времени сплоченность в Юджине оказалась в прошлом. В то время как сотрудники ФБР и полиция работали денно и нощно.

В операции «Встречный огонь» наиболее значительный прорыв был совершен — хоть все началось как вроде бы неверная гипотеза — как раз накануне вынесения приговора «Free», в период между анархическим ликованием в июне 1999 года и переходом к обороне. Те же самые поджоги, неверно связанные с делом Фергюсона, использовались в качестве предлога для жесткого приговора «Free», что заставило часть анархистов прекратить деятельность под страхом аналогичных приговоров. Попыток переосмысления опыта, извлечения полезных знаний, оттачивания навыков, попыток решения конфликтов в анархической среде было явно недостаточно. Отступление было ожидаемым. Что бы произошло, если бы расследования в рамках операции «Встречный огонь» продолжались при иных обстоятельствах, на фоне набирающего мощь движения? Это другая история. Ее итог неизвестен.

Оказывая сопротивление

Репрессии будут существовать, пока существуют государства и люди, проти-

COMMUNITY ALERT:

MINNESOTA GRAND JURY

on September 6th,
at 9 a.m. at
the "308 U.S.
Courthouse"
in Minneapolis,
Minnesota—
regarding ELF
actions in the
midwest.

The Green Scare
is coming HERE

Don't talk to Police or FBI

If you have been contacted by the police or the FBI regarding environmental activism, contact Jordan Kushner with the National Lawyers Guild immediately: (612) 288-0545, email: kushn002@umn.edu Report all FBI visits, harassments, and subpoenas to the Twin Cities Eco-Prisoner Support Committee: fightthegreenscare@riseup.net Visit ecoprisoners.googlepages.com for more information.

Don't try to deal with this alone.
Create a network of support in the face of repression.

востоящие им. Полная неуязвимость невозможна — ни для государства, ни для его противников. Все внедренные агенты и информаторы царской секретной полиции были бессильны предотвратить русскую революцию 1917 года, как и восточногерманские «штази» не смогли защитить «берлинскую стену» от разрушения, хоть у них и были досье на шесть миллионов человек. Революционная борьба может увенчаться успехом даже перед лицом широкомасштабных репрессий; со своей стороны, мы можем минимизировать эффект от репрессий, подготовившись заранее.

Вот уже много лет анархисты сосредоточены на развитии культуры безопасности, но ограничиться выработкой сознания безопасности в этом деле не достаточно. Есть такие вещи, которых никогда не бывает слишком много: не сплетничайте о важных делах, делитесь

«чувствительной» информацией только с теми, кому непосредственно нужно об этом знать¹⁹, не отказывайтесь от своих прав в случае задержания или ареста, не сотрудничайте с судами, не выдавайте других людей. Человек может следовать всем этим принципам и в то же время совершить критическую ошибку. Если стратегии противодействия репрессиям будут сосредоточены на том, о чем нам не следует говорить, мы теряем из поля зрения необходимость ясной и простой коммуникации для сообществ в борьбе.

Государственный подрыв радикальных движений может быть интерпретирован как вид «вооруженной критики», подобно тому, как кирпич, летящий в окно «Старбакс» — это критика действием. Таким образом, успешное применение силы против нас показывает, что у нас априори существовали какие-то слабые места. Это говорится не для того, чтобы обвинять жертв в ситуации репрессий, но для того, чтобы понять, как и почему попытки дестабилизировать нашу деятельность увенчались успехом. Наша реакция не должна начинаться с поддержки арестованных. Конечно, это очень важно, как и долговременная поддержка людей, отбывающих наказания, но наша деятельность должна начинаться задолго до этого. Мы должны устранить те маленькие уязвимости, которыми могут воспользоваться наши враги. Открытое обсуждение проблем

19 Похоже на то, что обвиняемые по делам операции «Встречный огонь» могли бы лучше обеспечивать утечки информации из своих внутренних кругов. Вместо того чтобы организовываться в закрытые, твердые ячейки, обвиняемые, кажется, действовали в более подвижной среде, с таким количеством пересечений, что в случае раскола нескольких основных участников, правительство получило бы информацию обо всех.

(например, навязывание гендерных ролей в номинально радикальных кругах) может предотвратить нездоровые чувства презрения и сектантство. Из этого вовсе не следует, что никакой раскол недопустим — зачастую лучшее, что могут сделать люди — это взять и разойтись. Но даже если это необходимо, им следует постараться сохранить чувства взаимного уважения или, по крайней мере, желание общаться тогда, когда это действительно необходимо.

Риск относителен. Иногда действительно стоит залечь на дно; в других случаях привлечение общественного внимания кажется чрезмерно рискованным, хотя на деле самое опасное — как раз отказ от того, чтобы быть на виду, когда сила движения резко спадает. Когда мы думаем о риске, воображение может рисовать камеры видеонаблюдения и тюремные камеры, но существует также множество более коварных угроз. Люди, представшие перед судом в рамках операции «Встречный огонь», получили сроки намного меньше, нежели ожидалось; как выяснилось, самым большим риском для них оказалось вовсе не тюремное заключение, но отречение от убеждений и предательство — риск слишком реальный. Аналогично можно представить Эрика МакДэвида, ожидающего в данный момент судебного решения по обвинениям в заговоре, в спокойной обстановке обсуждающего факторы риска в гипотетической акции со своими мнимыми друзьями — которые в итоге оказались двумя доносчиками и федеральным агентом-provokatorом. К сожалению, по-настоящему рискованными оказались, прежде всего, разговоры с этими людьми.

Готовясь к худшему

Обычная активистская мудрость говорит нам о том, что нельзя смешивать общественную и подпольную деятельность, но дело Дэниэла МакГована противоречит этому утверждению. МакГован оказался на скамье подсудимых вовсе не в результате расследований его публичной активистской деятельности, но скорее вследствие сотрудничества с Якобом Фергюсоном, который стал осведомителем под давлением полиции. Хотя правительство особенно хотело осудить его за обширную работу по поддержке заключенных и организацию деятельности против Национального съезда республиканской партии, МакГован получил широкую общественную поддержку именно в результате своей публичной деятельности²⁰. Если бы он занимался исключительно «теневой» деятельностью, возможно, он бы оказался в точно такой же ситуации без той самой поддержки, которая помогла ему успешно перенести все, что с ним приключилось, причем, за бортом бы остался столь важный вклад в анархист-

20 Мы не говорим, что быть на виду всегда хорошо. Внимание СМИ было значительным фактором в конфликтах, раздробивших Юджин. В таких случаях пребывание на виду может разделить сообщество изнутри, создавая ощущение, что у «представителя» больше власти, чем у остальных, что провоцирует зависть и конфликты, вне зависимости от того, отражает ли реальность изображаемое на экране. Жертвами веры в расхваливание себя в СМИ становятся зависимыми от этого внимания, добиваясь прежде всего этого, вместо непосредственных связей и здоровых отношений, необходимых для длительной революционной борьбы. Быть на виду ценнее всего в устойчивых сообществах, а не в спектаклях СМИ. Существуют разумные аргументы для использования СМИ время от времени, но вы должны и осознавать опасности быть использованным ими.

ское движение.

Принимая во внимания, сколько лет ушло у ФБР на подготовку операции «Встречный огонь» и значительную роль, которую играли информаторы в значительной части дел «Зеленой угрозы», можно предположить, что существует возможность выйти сухим из воды во многих ситуациях, при условии достаточной осторожности и грамотных решений о том, кому доверять. Заключение по прямым действиям МакГована, включенное в состав доводов обвинения на суде, читается как приключенческий роман. Вчитываясь в страницы заключения, нельзя не подумать — «Ого! За все это — всего семь лет!»

Оборотной стороной медали является тот факт, что, несмотря на все предосторожности, обвиняемые по делу о «Зеленой угрозе» все же оказались пойманы. Независимо от того, насколько вы осторожны или умны, не стоит рассчитывать на то, что вас не поймают; следует быть готовыми к худшему. Те, кто планирует акции прямого действия, сопряженные с риском, должны в первую очередь исходить из предположения о том, что их поймают и предъявят обвинения. Прежде чем что-либо делать, прежде чем даже говорить об этом, следует спросить самих себя, готовы ли вы принять наихудшие из возможных последствий своей деятельности. В то же время, поскольку правительство может выбрать мишенью кого угодно и когда угодно, независимо от того, что данный человек на самом деле сделал, даже наиболее законопослушным активистам (и уж подавно их друзьям и родственникам) следует продумать свое поведение на случай расследования, вызова в суд или предъявления обвинений.

Дела «Зеленой угрозы» ясно показывают, что сотрудничество с го-

сударством никогда не может быть в интересах обвиняемого. В среднем, те из обвиняемых по делам операции «Встречный огонь», кто отказался сотрудничать со следствием, получили меньшие сроки относительно тех, которыми им угрожали во время следствия, чем информаторы, несмотря на то, что правительство включило на полную мощь весь репрессивный аппарат Соединенных Штатов, чтобы устроить показательное дело. Иксайлу и Сэйди угрожали более чем тысячей лет в тюрьме каждому, а приговорили меньше, чем к восьми. Если бы каждый арестованный понимал разницу между тем, какие угрозы может озвучивать государство, и тем, что оно фактически может предпринять, гораздо меньше людей сдавалось бы без борьбы.

В правовой системе США судебное разбирательство — это игра «на слабо». Государство делает первый ход, угрожая наиятячайшими последствиями для обвиняемого, в надежде, запугав его, заставить признать вину и сдать товарищей. Лучшее всего, если подсудимый немедленно признает свою вину;

это позволяет государству не тратить поистине огромное количество времени и денег, не говоря уже о потенциальной опасности проиграть хорошо освещенное в СМИ дело. Обвиняемым не следует пугаться первоначальных обвинений: зачастую оказывается, что многие из них рассыпаются на глазах и единственная их функция — придать государству больше власти для «торгов» по делу. Даже в том случае, если обвиняемый опасается, что ему самому не на что будет опереться в суде, он может получить вес в этих закулисных властных играх, если государство ясно осознает серьезную вероятность дорогого, сложного и непредсказуемого судебного разбирательства. Добиться этого можно, заручившись помощью лучшего адвоката. В случае же когда подсудимый соглашается сотрудничать, он теряет свой вес, всецело передавая себя в руки таких сил, которым вовсе не свойственна ни малейшая толика сострадания.

Несмотря на то, что все казалось уже предрешенным в делах Сэйди, Иксайла, МакГована и Джонатана Пола в 2006 году, они посмотрели на жизнь с новой надеждой, когда адвокат МакГована затребовал информацию об использовании следователями нелегальных аудиозаписей Агентства национальной безопасности с целью получения доказательств вины подсудимых. Правительство не хотело отвечать на этот вопрос, и тому были веские причины: только что отгремел скандал, в центре которого оказалось АНБ, ведущее нелегальное прослушивание. И если бы суд получил сведения о том, что в ходе операции «Встречный огонь» использовались данные, полученные в результате нелегального прослушивания, все дела по операции «Встречный огонь» мог-

ли оказаться выкинутыми на помойку. Именно поэтому многие участники подпольной группы «Weather Underground» сейчас являются профессорами, а не заключенными: ФБР так сильно облажалось в тех делах, что суды приняли решение отпустить их.

Независимо от того, насколько безнадёжным кажется положение вещей, никогда не недооценивайте ту силу, которой наделяет вас стремление сражаться. До момента капитуляции Станисласа Мейерхоффа и некоторых других, все дело по операции «Встречный огонь» держалось на Якобе Фергюсоне, героиньке и серийном поджигателе. Если бы все, кроме Фергюсона, отказались сотрудничать и вместо этого сообща

боролись бы против предъявленных обвинений, нет никаких сомнений, что операция «Встречный огонь» закончилась бы иначе.

Про информаторов

Если все знают, что ни в коем случае нельзя становиться информатором, почему же столь многие, в конечном счете, именно ими и становятся? По крайней мере, одиннадцать видных обвиняемых по делам «Зеленой угрозы» приняли решение сотрудничать с правительством в деле раскапывания доказательств вины бывших товарищей, не считая партнера Питера Янга, который донес на него еще в 1999 году. Все эти люди — опытные активисты, предположительно имевшие возможность годами размышлять о том, как справляться с психологическим давлением на следствии и в суде; люди, которым должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было, почему не стоит сотрудничать с государством! Что же мы можем заключить (и можем ли?) из того, что столь многие согласились стать информаторами?

На эту тему было достаточно оппортунистических «теорий» со стороны «экспертов», имевших крайне малое представление об обстоятельствах дела и еще меньший личный опыт. Нам предлагается принять за данное тот факт, что арестованные стали информаторами, потому что были ребятами из привилегированных семей среднего класса. На самом же деле, среди согласившихся сотрудничать и отказавшихся стучать примерно поровну представителей всех полов и классов. Нам говорят, что подсудимые стучали, потому что сражались не за свои интересы. Но если мир без скотобоен и глобального потепления

не является чьими-то интересами, то что тогда является? Может быть, более дешевые гамбургеры и кондиционеры? Также был предложен тезис о неизбежности того, что под давлением кто-то в любом случае согласится стать информатором, и, следовательно, не следует винить таких людей, и вместо этого стоит избегать тактик, которые провоцируют расследования и допросы. Последний выпад и вовсе не достоин ответа, разве что стоит заметить: правительству не нужны реально совершенные преступления для того, чтобы начать расследования и допросы. Поддерживаете вы акции прямого действия или нет, недопустимо давать в руки государства средства, с помощью которых оно может нанести вред другим людям.

Опытные радикалы, на которых тоже в свое время стучали, скажут вам, что нет точного рецепта для отделения тех, кто станет информатором от тех, кто им никогда не будет. Почти во всех движениях сопротивления были информаторы, включая Черных Пантер, Армию Черного Освобождения, Движение Американских Индейцев, Пуэрториканское движение за независимость; дела «Зеленой угрозы» никак не выделяются на этом фоне, хотя, возможно, некоторые из подсудимых и сломались быстрее, чем их предшественники. Возможно, вся эта шумиха по поводу того, что столь много эко-активистов стали информаторами, частично вызвана незнанием истории протестных движений.

Если уж что-то и удерживает людей от стукачества друг на друга — это кровные узы. Исторически движения с наименьшим числом доносчиков всегда были те, которые имели прочную опору в сообществах. Арестованные в прошлом году участники движений национального освобождения отказались

от сотрудничества с государством, потому что они не смогли бы смотреть в лицо своим родителям или детям, если бы согласились доносить. Точно также, когда гангстеры, вовлеченные в нелегальную капиталистическую деятельность, отказываются стучать, причиной являются последствия стукачества, которые окажут влияние на всю их жизнь, начиная с перспектив карьерного роста на избранном поприще и заканчивая социальным положением в тюрьме и своих жилых кварталах. Чем более крепки узы, связывающие личность с сообществом, тем менее вероятно, что он или она настучит на своих товарищей. В этом отношении североамериканские радикалы, преимущественно белые, всегда оказывались перед сложным выбором, так как большая их часть вовлечена в подобную деятельность вопреки мнению семьи и социального окружения, а не благодаря ему. И когда оказывается, что бывшему активисту светят десятки лет тюремного заключения за что-то, что для него было, по большому счету, хобби, родители просят не выбрасывать жизнь на ветер, а система, с которой он боролся, кажется, уже захватила все его настоящее и будущее, требуется очень сильное чувство правильного и неправильного, чтобы не продался.

В этом свете перестает казаться удивительным, что практически все активисты, отказавшиеся сотрудничать, до сих пор принимают активное участие в жизни анархистских или, по крайней мере, контркультурных сообществ. Дэниел МакГован непрерывно участвовал в различных видах организаторской деятельности вплоть до самого ареста; Иксайл и Сэйди всей душой были против общепризнанных норм и стандартов, если и не участвовали непосредственно в поли-

тической деятельности — один из свидетелей судебного заседания по их делу описал группу поддержки Сэйди и Иксайла как будто пришедших из другого измерения фанатов черного металла с заплетенными бородами и пирсингом на лице. Снова мы сталкиваемся с необходимостью создания мощных, долгосрочных сообществ с общей культурой сопротивления; многим из тех, кто решил выступить против статус кво, придется начать создание подобного сообщества с нуля, плывя против течения, но это не является невозможным.

Здоровые отношения — основа подобных сообществ, не говоря уже о безопасной организации акций прямого действия. Еще раз: загнанные внутрь конфликты и взаимные претензии, несбалансированная динамика власти, недостаток доверия — все это ахиллесова пята бесчисленного числа групп. ФБР составляет психологические портреты своих мишеней, чтобы использовать их слабости и потенциальные бреши в личных отношениях. Один из старейших приемов — сказать арестованному, что их товарищи уже донесли на них; чтобы успешно пережить подобные попытки запугивания, люди должны иметь неколебимую веру в надежность своих товарищей.

Ситуацию «стукачи ловят ножи» мы не рассматриваем, так как анархисты не могут навязать антистукаческий кодекс поведения средствами насилия. Маловероятно, чтобы добиться подобного было возможно без компрометации наших принципов. В любом случае, когда дело касается принуждения и страха, государство всегда нас переиграет, поэ-

тому не стоит стремиться к состязанию с ним. Вместо этого следует сосредоточиться на демистификации стукачества и создании коллективного доверия, настроений, уменьшающих вероятность появления стукачей. Если человек испытывает радость от того, что он является частью анархистского сообщества, он не захочет стать изгоем, превратившись в стукача. Конечно, чтобы это реально работало, мы должны окончательно и бесповоротно исключить из сообщества всех, кто согласился на сотрудничество с властью. Предавая товарищей ради собственной выгоды, они встают в один ряд с полицейскими, тюремщиками и палачами, которым помогают.

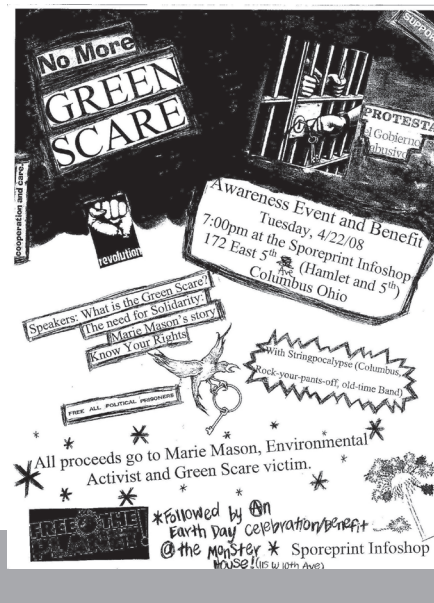
Тем, кто собирается участвовать в акциях прямого действия с группой, сначала следует хорошо узнать друг друга, включая друзей и родственников, обсудить ожидания, потребности и цели. Какую-либо «безопасную» деятельность следует осуществлять только с теми товарищами, которых вы знаете достаточно давно, чтобы твердо знать их негативные черты. Вы должны быть уверены, что сможете разрешить даже самые сложные личные конфликты и будете доверять им в самых стремных ситуациях еще в течение лет десяти.

Судя по урокам 1970-х годов, наркомания является еще одним фактором, соотносящимся со стукачеством, поскольку может быть связана с хроническими личными проблемами. В самом деле, Якоб Фергюсон, первый информатор в операции «Встречный огонь», был героинщиком со стажем. Как дела по операции «Встречный огонь» были

бы гораздо труднее для правительства, если бы единственным информатором оказался Якоб, так возможна ситуация, что ФБР никогда бы и не смогло начать расследование по этим делам, если бы другие активисты изначально не доверяли Якобу.

Своевременная поддержка заключенных настолько же важна, как общественная поддержка людей, кому светит предстать перед Большими жюри. Как отметил один из обвиняемых по делам «Зеленой угрозы», обвиняемые соглашаются стать информаторами вскоре после ареста, когда они выбиты произошедшим из колеи и неуверенны в своей будущей судьбе. Условия содержания в следственном изоляторе гораздо более жесткие, нежели в тюрьме; недавно арестованные, возможно, спрашивают себя, смогут ли они справиться с годами тюремного заключения, не имея адекватного представления о самом тюремном заключении. Тем, кто оказывает поддержку заключенным, следует как можно скорее добиваться освобождения арестованных под залог, с тем, чтобы можно было объяснить им ситуацию, таким образом, у них будет время подготовить стратегию защиты. Поэтому идеальным решением является сбор средств на юридическую поддержку задолго до того, как происходят первые аресты.

Никогда нелишне напомнить, что стукачество *всегда* является очень серьезным вопросом, будь то обвиняемый по громкому делу, сдающий своих товарищей, или же знакомый законопослушных активистов, отвечающий на,

казалось бы, невинные вопросы. Основная цель правительства в каждом политическом деле — не посадить в тюрьму отдельных людей, но собрать информацию, которая позволит понять структуру радикальных сообществ, чтобы, в конечном счете, репрессировать и контролировать эти сообщества. Первым предложением Питеру Янгу со стороны правительства было вернуться в круги борцов за права животных и стать информатором: сообщать не только о нелегальной деятельности, но вообще о любой деятельности. Даже самый незначительный на первый взгляд элемент может поставить под угрозу жизнь человека, независимо от того, нарушал ли этот человек закон или нет. *Недопустимо сообщать какую-либо информацию о ком-либо без личного разрешения этого человека.*

Не следует формулировать наш ответ на репрессии правительства исключительно в терминах реакции. Правительство тратит много ресурсов на операции подобные «Зеленой угрозе», и в ходе этого создает непредвиденные ситуации и обнаруживает новые уязвимости. Как в дзюдо, когда государство делает свой ход, мы можем сделать ответный ход с целью вывести их из положения равновесия. Приведем в качестве примера недавние массовые мобилизации сил безопасности, с помощью которых власть преержавшим удалось нанести удар по анти-глобалистскому движению. В то же время, вследствие судебных разбирательств, в которых ответчиком выступала полиция, в таких местах как, например, Вашингтон (округ Колумбия), их руки связаны, когда речь заходит о действиях полиции во время массовых манифестаций. Это можно видеть на примере событий протестов против Всемирного Банка и МВФ в октябре 2007 года, когда копы явно действовали с крайней сдержанностью. Мы находимся в затяжной войне с иерархической властью, в войне, которую нельзя выиграть или проиграть в одном бою; всегда стоит вопрос: как наилучшим образом провести бой, захватить инициативу, когда это возможно, как передать плоды наших побед тем, кто будет сражаться после нас.

Должен быть способ обратить на следие «Зеленой угрозы» нам на пользу. Можно начать с попытки воспользоваться им как возможностью изучить применяемые государством методы расследования подпольной деятельности и поделиться этим знанием со следующим поколением активистов. Другой путь — найти общие интересы с

другими сообществами, попавшими под удар; недавним примером такой связи является связь между активистами освобождения животных в районе залива Сан-Франциско и группой поддержки «Сан-францисской восьмерки», бывших «Черных Пантер», которых теперь обвиняют в убийстве полицейского в 1971 году.

Постскриптум: трюсы...

«Я нахожу ироничным, что вы поддерживаете женщин, подвергающихся унижению, но в то же время сами вербально унижаете тех, с кем не согласны. Интересно, общались ли вы с учеными северо-запада на тему того, как можно быть эффективными и действовать в позитивном ключе. Подобно профессорам, писавшим в суд письма в вашу поддержку, большинство профессоров крайне щедры, когда речь идет об идеях. Я многое поняла за время своей работы судьей... Видела это все... Это называется человеческий опыт. Снимите маски, пока настоящий Дэниел МакГован не будет явлен нам... Будьте тем изменением, которым хотите быть. Не используйте Ганди только тогда, когда это вам удобно. Надеюсь, вы вернетесь на свой веб-сайт и расскажете всем, кем вы были, что делали. Может быть, вы перестанете быть столь популярны, но... поменяйте содержание веб-сайта. Со знайте, отрекитесь, осудите. Если вы искренни, вам не будет сложно. Донесите до молодого поколения весть, что насилие не работает. Если вы хотите изменить что-то, имейте смелость сказать, что жизнь, которой вы жили, была жизнью труса... Это настоящая трагедия — видеть, как необычайно талантливые молодые люди идут и причиняют вред промышленному производству.

Это очень плохо — запугивать людей, которые делают свою работу, чтобы выжить. Снимите капюшоны, толстовки, маски и начните настоящий диалог».

— *Судья Эйкен, приговаривая Дэниэла МакГована к семи годам тюрьмы по обвинению в терроризме (записано Гамбии Каскадия).*

Размышляя над приговором судьи Эйкен, оставим в стороне, хотя бы на время, вопрос о том, действительно ли те, кто получают прибыль от вырубке леса, эксплуатации животных и генной инженерии, «делают это для того, чтобы выжить». Примем также за данность предположение, что те, кто владеет подобными производствами, более склонны к «настоящему диалогу» с защитниками окружающей среды, если последние будут прибегать исключительно к легальной деятельности. Не будем также осуждать Эйкен за попытку провести параллели между домашним насилием и саркастически сформулированными коммюнике — прием, которым она пытается поддержать утверждение следователя о том, что ELF, который ни разу не причинил вред ни одному человеку, ничем не лучше, чем Ку Клукс Клан.

Есть только один вопрос, который мы не можем не задать, касаемо риторики судьи Эйкен о трусости: если бы она оказалась в ситуации, требовавшей действий вне установленных рамок закона, оказалась бы она способной на это? Или она продолжала бы настаивать исключительно на законных действиях, призывая других к терпению, в то время как людей продавали в рабство или вагонами грузили в поезд на Дахау? Справедливо ли человеку, чье согласие со статусом кво покупается финансовой стабильностью и социальным положением

ем, обвинять кого-то, кто рискнул всем, чтобы жить по совести... в *трусости*? Возможно, Эйкен чувствует внутреннюю потребность сообщить Джону Брауну²¹, что он был трусом, или может быть повторить свою тираду тем немцам, которые совершали покушения на Гитлера?

За таким вопросом неотрывно следует еще один: что же еще можно считать ситуацией, требующей действий вне устоявшихся рамок закона, если не экологический кризис? По всей планете исчезают виды, климатические изменения начинают сказываться на людях, ученые дают человечеству очень мало времени для решительных действий — в то время как правительство США и корпоративные кукловоды, которые дергают за ниточки, отказываются принять даже те недостаточные меры, к которым взывают либералы. Если мрачный кошмар, который предсказывают ученые, наконец, наступит, и беженцы будущего обратят свои взгляды к этому разговору между МакГован и Эйкен, назовут ли они МакГована трусом?

Как настаивают Эйкен и ей подобные, мы живем в демократическом обществе: обход существующих рамок и нарушение законов подобно атаке на сами понятия «свобода», «сообщество», «диалог». Те же самые аргумен-

21 Джон Браун (1800-1859) — радикальный аболиционист, борец за отмену рабства в США. В Пенсильвании он содержал станцию «Подпольной железной дороги» — тайной системы организации побегов негров-рабов из южных рабовладельческих штатов на Север и в Канаду в период, предшествовавший Гражданской войне. В 1857 году начал собирать отряды, провел съезд своих сторонников в Канаде и планировал освободить рабов путем вооруженной интервенции, которая спровоцировала бы стихийные восстания на местах. Был осужден и казнен через повешение после разгрома организованного им восстания за освобождение рабов в 1859 году в Вирджинии. — прим. пер.

ты звучали в 1859 году.

Те, кто считает подчинение законам более важным, чем действия в соответствии с совестью, всегда налепляют на себя ярлык «ответственного», но суть подобного отношения — желание избежать ответственности. Само общество, представленное (пусть и не лучшим образом) своими укоренившимися институтами, ответственно за определение добра и зла; все, что требуется от индивидуума — это бездумно соглашаться, требуя перемен, когда результат соглашения не по вкусу, но никогда не выходя из строя. Это ни что иное, как кредо трусов. На слушании, которое должно было решить, судить ли обвиняемых как террористов, Эйкен с видимым раздражением признала, что она не властна над действиями Управления тюрем по отношению к подсудимым, не зависимо от ее решений, но, тем не менее, предпочла умыть руки и все равно повесила на МакГована и других обвинения в терроризме. Без сомнения, Эйкен чувствует, что недостатки системы ее не касаются, даже если в результате ее действий другие люди сталкиваются с этими недостатками. Она просто делает свою работу.

Это Нюрнбергская защита²². Независимо от того, что она думает об Управлении тюрем или действиях МакГована, Эйкен несет личную ответственность за то, что отправила человека в тюрьму. Она несет ответственность за

22 Нюрнбергская защита — юридическая линия защиты, основанная на утверждении того, что обвиняемый просто исполнял приказы (нем. «Befehl ist Befehl» — закон есть закон) и, таким образом, не может отвечать за свои преступления. Этот метод защиты в суде стал особенно известен на Нюрнбергском процессе 1945-1949 гг. (поэтому и получил такое название), где широко использовался для оправдания нацистских преступников. — прим. пер.

разлучение человека с женой, за воспрепятствование его работе по поддержке жертв домашнего насилия. Если МакГована избьют или изнасилуют в тюрьме, это, по сути, то же самое, если бы Эйкен избивала бы или изнасилвала его. И не только МакГована, или Пола, или Сэйди, или Иксайла, это касается *каждого человека*, отправленного Эйкен в тюрьму.

Но Эйкен и подобные ей несут ответственность за много большее, чем это. По мере того, как тают ледяные шапки на полюсах, тропические леса превращаются в дрова, климатические изменения провоцируют все больше катастроф на планете, эти существа несут ответственность за попытки воспрепятствовать всем, кто готов прибегнуть к прямому действию для предотвращения подобных трагедий. То есть, они повинны в навязывании населению планеты Земля всестороннего уничтожения Природы.

Эйкен может апеллировать к так называемой демократической системе, сказать, что это — самая эффективная система для предотвращения упомянутого разрушения. Да уж, действительно, как эффективно система работала до сей поры! Наоборот, кажется более вероятным, что она не способна искрен-

не оценить вероятность большего блага, чем поддержание закона и порядка. Для таких, как она, повиновение закону — большая ценность, чем полярный лед, тропические леса и города, подобные Новому Орлеану. Ради того, чтобы избежать ответственности за свою роль в трагической судьбе Земли, они готовы заплатить любую цену. Вот вам и *трусость*.

...и герои

Итак, если МакГован и другие обвиняемые по делу «Зеленой угрозы», отказавшиеся от сотрудничества с властью, — не трусы, значит ли это, что они — герои?

Нам стоит быть осторожными, чтобы не принять риторику, противоположную риторике Эйкен. Представляя это дело перед правительством, Пайфер описал обвиняемых по делам операции «Встречный огонь»: «почти как в «Миссия невыполнима». Представление обвиняемых в качестве «сверхлюдей» идет на пользу власти предрержащим — чем более сверхъестественными кажутся их деяния, тем более они кажутся за пределами и недостижимыми для других людей.

Аналогично, шумиха вокруг «героев» может быть всего лишь способом выбить подобные позиции из их сторонников, из нас с вами: очевидно, мы не можем быть героями их ранга, не стоит придерживаться подобных стандартов поведения. Прославление деятельности МакГована, Иксайла, Сэйди, Питера Янга и других вредно; выбрав анонимную деятельность, они не собирались достичь славы и почестей, но хотели тихо и без лишнего шума делать то, что считали нужным. Так же следует поступать и всем нам. Они такие же обычные

люди, как и любой из нас, — любой нормальный человек, принимающий всю ответственность за свои действия, способен на потрясающие свершения.

Из сказанного не следует, что нам всем стоит стать поджигателями. Существует бесчисленное количество возможностей для тех, кто готов быть ответственным за свои поступки, и каждый человек должен избрать ту, которая наиболее подходит для его или ее ситуации. Пусть отвага обвиняемых, отказавшихся сотрудничать по делу «Зеленой угрозы», тех, кто решился на действия в соответствии со своими убеждениями, кто отказался предать свои принципы даже под угрозой пожизненного заключения, — пусть эта отвага послужит напоминанием о том, чего могут достичь обычные люди, как мы.

